

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

№ 7 (909) АПРЕЛЬ 1965

СМЕНА

ПОСЛОДКОСТИ

ИЗ УВИДЕННОГО В КИНОДОКУМЕНТАХ

ЧЕТЫРЕ ГОДА НАЗАД ЧЕЛОВЕК ПЕРВЫЕ ПРОНИК в КОСМОС. ЭТО БЫЛ СОВЕТСКИЙ ЧЕЛОВЕК — МАЙОР ЮРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ГАГАРИН. ЕГО ПОДВИГ, СТАВШИЙ ВОПЛОЩЕНИЕМ ВЕЛИКОГО ПОДВИГА СОВЕТСКОЙ НАУКИ, СОВЕТСКОГО НАРОДА В ДЕЛЕ ОСВОЕНИЯ КОСМОСА, ЕЖЕГОДНО ОТМЕЧАЕТСЯ КАК ВСЕНАРОДНЫЙ ПРАЗДНИК. В ЭТОМ ГОДУ В КАЖДОМ ДНЯ КОСМОНАВТИКИ СОВЕРШЕН ЕЩЕ ОДИН ВЫДАЮЩИЙСЯ ШАГ. ПЕРВЫЕ ЧЕЛОВЕК ШАГНУЛ ЗА ПРЕДЕЛЫ КОСМИЧЕСКОГО КОРАБЛЯ, УЖЕ НЕ ФИГУРАЛЬНО, А БУКВАЛЬНО ВЫШЕЛ в КОСМОС. И ЭТО БЫЛ СНОВА СОВЕТСКИЙ ЧЕЛОВЕК. ПОЛКОВНИК ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ БЕЛВЕР и ПОДПОЛКОВНИК АЛЕКСЕЙ АРХИПОВИЧ ЛЕОНОВ ЕЩЕ РАЗ ДОКАЗАЛИ ПЕРВЕНСТВО СОВЕТСКОЙ НАУКИ в ОВЛАДЕНИИ КОСМИЧЕСКИМ ПРОСТРАНСТВОМ.

СЕГОДНЯ ЖУРНАЛ «СМЕНА» РАССКАЗЫВАЕТ СВОИМ ЧИТАТЕЛЯМ О ЛЮДЯХ, СТОЯЩИХ НА СТАРТЕ КОСМИЧЕСКИХ ТРАСС. ИХ МНОГО, ЭТИХ МОЛОДЫХ и ЧУТЬ-ЧУТЬ ВЕСЕЛЫХ РЕБЯТ, в ПОСЛУЖНОМ СПИСКЕ КОТОРЫХ ЗАНИМАЮТ ПРОФЕССИИ — ИСПЫТАТЕЛЬ.

ЗДЕСЬ НЕ НАЗЫВАЮТСЯ ИХ НАСТОЯЩИЕ ИМЕНА. НЕ НАЗЫВАНЫ ЗДЕСЬ и ФАМИЛИИ УЧЕНЫХ. ЭТО ВРАЧИ и ИНЖЕНЕРЫ, БИОЛОГИ и ФИЗИКИ... МОЖЕТ БЫТЬ, НИКОМУ ИЗ ЭТИХ УЧЕНЫХ и ИСПЫТАТЕЛЕЙ НЕ ПРИДЕТСЯ ЛЕТАТЬ в КОСМОС, но в ИСПЫТАТЕЛИ НАУКИ НАВСЕГДА ОСТАНУТСЯ ИМЕНА ЕЕ ПЕРВОПРОХОДЦЕВ.

Н. КАМАНИН,
генерал-лейтенант авиации,
Герой Советского Союза

Бычная пропускная процедура. Затем я вхожу в огромный парк, огороженный длинными, кажется, нигде не кончающимися заборами. Среди елей современное белокаменное здание. Мне сюда, на второй этаж.

Десять часов утра.

— Заходите, — говорит полковник, когда я открываю дверь его кабинета.

Пауза, обычная при встрече незнакомых людей. Полковник поправляет свои очки в золотой оправе.

— С чего бы вам прийти? Пожалуй, прежде всего надо представить хоть в какой-то степени объем работы, проделанной испытателями. Я тщательно записываю слова полковника.

— Еще недавно, несколько лет назад, проблемы полета человека в космос были неспасленной целью, — продолжает полковник. — Простой вопрос: как подняться в состоянии невесомости? Не улетит ли от космонавта водяная капля? Кажется, мелочь. Но из тысячи и тысяч таких «мелочей», собственно говоря, и складывалось наше представление о способности человека находиться в космическом пространстве... Знаете, ведь, пожалуй, для начала надо посмотреть наши фильмы.

Через несколько минут, усевшись в кресло, я остаюсь один на один с экраном. Гаснет свет.

Самолет мчится вниз. Потом — горка. Испытателя поднимает над креслом. Он шмвлет, неслabo разгребает руками.

Крупным планом — на весь экран — мнишь. Испытатель подмывает к ней, старается ткнуть указкой в «двустыку». Удар приходится в правой верхней угол — туда, где на часах сидит.

Голос диктора: «Эксперимент представляет значительный интерес. Он дает ряд ответов на вопросы, связанные с размещением рычагов, тумблеров и кнопок управления в кабине космического корабля...»

Сменяется кадр.

Крещенная камера. Испытатель в кресле. Со всех сторон на него направлены динамики. Скрежет, треск, визг. Стучат молоты о наковальни. Наверное, тысячи молотов о тысячи наковален. Счетчик уровня шумов показывает 120 децибел.

Азбуком. Готовый к взлету вертолет. Счетчик уровня шумов фиксирует девятство.

И опять камера. Все тот же гротхот. Испытатель работает, склонившись над столом. По циферблату часов бегет стрелка. Круг за кругом. Испытатель продолжает работать.

Еще раз сменяется кадр.

Телерь на экране бассейн. Голос диктора: «Цель эксперимента, который проведет Роман, состоит в том, чтобы уравновесить воду гидростатический столб крови».

В зале вспыхивает свет. Не поднимаясь с места, я записываю все, что видел.

— Первый раз смотрите! — спрашивает механик. По выражению моего лица он явно догадывается, что первый. — Вы попросите разрешения посмотреть опыты в термомокаме. Смотрите на экран и чувствуйте: испытатели ищут так, будто в раскаленной печи.

Я благодарю киномеханика за совет. Увы, воспользоваться им не могу. Уже запланирована встреча с Сергеем — одним из опытных испытателей, принимавших участие в союзе, в то и тысячах экспериментов. Интервью не получается. Сергей рассказывает о себе очень ясно:

— Собственно говоря, писать обо мне ничего. Работая, как всегда. Так проговорились добрый час.

— Давайте встретимся еще раз, а то материала у меня мало, — скажет я.

Сергей подошел к шкафу, достал оттуда стопку тетрадей. — Это мои старые дневники. Посмотрите. Может, что-нибудь для себя найдете.

ИЗ ДНЕВНИКА ИСПЫТАТЕЛЯ

(Публикуется с разрешения автора)

«Утром меня представили Паулу Ивановичу. У нем говорит как о восходящей звезде в науке. Внешность самая обычная. Очень свежие глаза и пыльная шевелюра. Разговаривая, со мной так, будто мы старые приятели.

О своей науке рассказывает с

Роман опускается в бассейн.

С календаря слетают листки.

Роман — в бассейне.

На основе красноты листка.

Роман продолжает «жить» в воде.

Голос диктора: «При уравновешивании гидростатического столба крови состояние сердечно-сосудистой и мышечной систем адекватно их состоянию в невесомости. После многосуточного непрерывного пребывания в водной среде послыдают опыты на центрифуге с целью проверки способности организма переносить перегрузки в условиях детренированности организма, которая вызывается невесомостью».

На экране кабина «Восхода».

Голос диктора: «Это первый эксперимент на «обжигание» корабля».

Петр должен выполнить программу, обычную для космонавтов.

Петр усаживается в кресло.

Списка кресла отключается. Кнопка, сама по себе. И правда, взгляд возвращается она еще хочет.

Крупным планом — лонувшая крошечка.

Голос в динамике:

— Прекратите!

— Попробуем так, — отвечает

Петр.

Дель сменяется ночью, ночь —

днем. Он живет в этом причудливо раскинувшимся и развернувшимся кресле, также причудливо раскинувшись и развернувшись. Не спит, не дремлет, не трон.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

смена

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
и ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВРСМ

Год издания
согласно второй.
Выходит два
раза в месяц.

1 (909)

АПРЕЛЬ
1965

ЕСКИМ СТАРТИМ

туре тела — 37 градусов. И кровяное давление — 120/80. Здесь граница жизни».

«Павел Иванович очень любит слово «человек». «Нам, землякам», — объясняет он, — вынь да положи сто сорок пять миллиметров ртутного столбика. И ни миллиметра меньше. Сто сорок пять миллиметров — это двадцатидесятиметровая высота. На двадцати мы имеем сорок один миллиметр, на тридцати — только восемь». Я понял, куда клонит П. И., и сказал: «Подайте мне под маску недостаточные миллиметры». Павел Иванович посмотрел на меня, принурившись: «А вы не боитесь превратиться в мячик, который я начну раздувать? Правда ведь. Начнешь вдыхать воздух, поднимаемый под давлением... Что-то будет? П. И. объяснил, что для меня уже «шьют» костюм, вроде как покрывало для мячика. Костюм будет готов через несколько дней».

«Костюм вышел на славу. Вот уже который день я привыкаю к нему. По моему, абсолютно привлек. Когда в «штур» костюма нагнетают воздух и он обжимает тело, движение совершенно не стесняет. Днем спал в нем полтора часа. Никаких неудобств!»

Сказал об этом П. И., назвав костюм механической кожей земной атмосферы. Он смеялся: «Кожи приближительная. Как все концы в мире». Потом стал серьезным, даже суровым и спросил: «Вы не страшитесь эксперимента? Тело не ровная сфера мячика. И не сумею закрыть все участки тела. Не страшитесь? Подумайте».

«Я много думал: страшно ли? Нет, не страшно. Это абсолютно честно. Как бы объяснить свое состояние! Просто я верю в Павла Ивановича. Ведь летом, когда я ходил купаться, все матери отпустили со мной своих ребят. Знаю, что, пока я рядом, с ними ничего плохого не произойдет».

«Эксперимент начался в точном соответствии с программой. Должны были поднимать на девятнадцать ящик. Закрывая камеру. Я поудобнее устроился в кресле. Павел Иванович наблюдал за мной в иллюминатор. Он прижался к стеклу, и оттого лицо его пригласилось, стало как-то смешным».

В камере было тихо. Разве что «посащивал» откачиваемый воздух. А может, это мне казалось. Потом перед глазами пошла крути. И встрянула головой, и сразу что-то

См. стр. 4.

ЧЕРЕЗ МИНУТУ ОН ОКАЖЕТСЯ НА «ВОРТУ» ВЦФ-ВОЛЬШОЙ ЦЕНТРИФУГИ НАЧНЕТСЯ ОЧЕРЕДНОЕ ВТОРЖЕНИЕ НАУКИ В МИР ПЕРЕГРУЗОК.

Читайте о нем в журнале
«Секрет» — горючий человек
и совсем манящий
похож на звезду,
улыбка, мудрость и много
интересов.

Павел — Алексей

Звезды стелли ближе

Свершилось нечто фантастическое: человек покинул надежно защищенный его космический корабль и, распахнув дверь в таинственный мир космоса, вошел в него.

Перед глазами миллионов потрясенных землян происходило воистину невероятное: телевизионные камеры, установленные на борту космического корабля «Восход-2», передавали чуть ли не в каждую квартиру, как выходил из звездолета, пилотируемого Павлом Белляевым, космонавт Алексей Леонов. Не первый раз советское космование объединяет в дни выдающихся событий человечество единым волнением и восхищением, единым напряжением и бурей восторга. Но то, что принесло космонавтам людям нашей планеты 18 и 19 марта, заставило померкнуть старые сказки и змеиные картины фантастов.

Помните, как все мы, зная дыхание, всагивались в очертания части корпуса космического корабля, рисовавшего на фоне земного шара. Одна эта захватывающая картина уже заставляла ученого биться сердца. А когда из люка звездолетного устройства осторожно выглянул Алексей Леонов, то, очевидно, каждый дрогнул, представив в уме место героя. Какая роль, какое мужество нужны для того, чтобы жить и работать в микроскопическом земном мире, заключенном в космическом корабле, а тут Алексей Леонов, осматрившись, впервые взглянул на земной шар, ном небо не через иллюминаторы космического корабля.

Мы видели на экранах, как проплывала масса планета с разливными океанами и темными массами суши, прикрытая белыми шапками облаков.

Над материками и океанами, в царстве пустоты выходил из иллюзвой камеры космонавта сын Земли, наш соотечественник, воспитанник комсомола, коммунист Алексей Леонов.

Он еще держался гермопелаткой за край люка. Что будет, если разжать пальцы? Леонов прошел сложные тренировки и ясно представлял себе, что его ждет. Но впервые оставить последнюю опору, кусочек Земли, и стать живым астероидом, самостоятельным космическим телом — на это мог решиться волевой человек. И он отнял пальцы от края люка и выгнул стал плывцом океана Вселенной.

С первого шага начинается самый большой путь. Пять шагов сделал Алексей Леонов в космической пустыне, на пять метров отчаялся он от борта корабля и, раскинув руки, парил и плывал. Он был живым спутником корабля-спутника. Он утратил представление о верхе, о низе, о весе. Первым из рода человеческого Алексей Леонов жил в открытом космосе, в удивительном безлопном пространстве, и летел вместе с кораблем со скоростью 28 тысяч километров в час. На морском побережье до Сахалина.

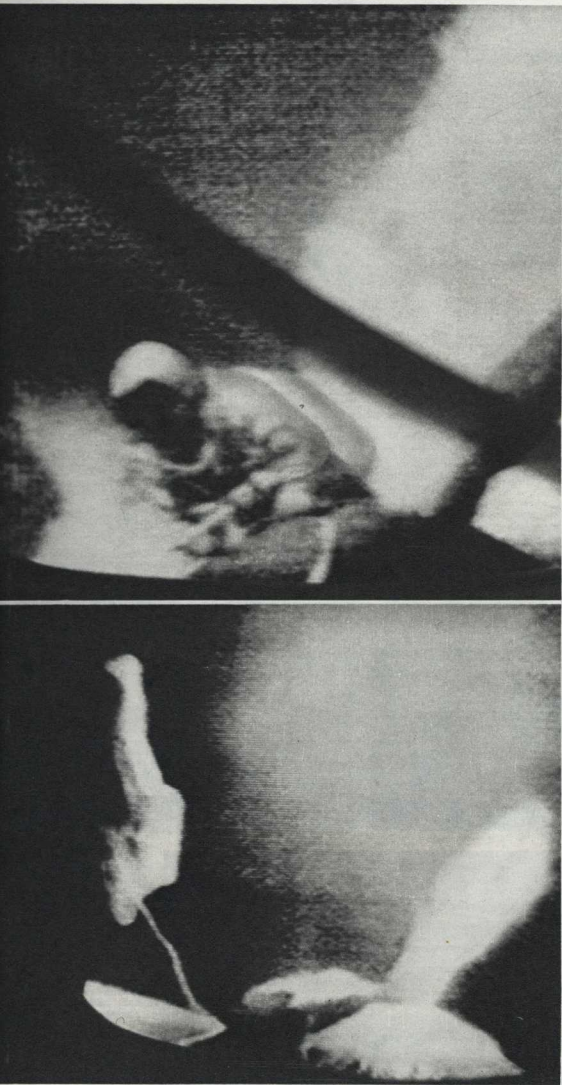
«Самое невероятное достижение даже для нашего века невероятных событий» — комментировал вице-президент Британского общества межпланетных сообщений Кеннет Гатленд выход советского космонавта Алексея Леонова из звездного корабля «Восход-2» в океан Вселенной. Только шланг соединял Леонова с космическим кораблем, где управлял приборами и средствами жизнеобеспечения его друг, командир Павел Белляев.

Старту космического корабля «Восход-2» предшествовала напряженная и длительная работа научно-исследовательских лабораторий, узлов связи, постов наблюдений за Солнцем и метеорных патрулей.

Земной шар окружен гигантскими облаками метеорной пыли, простирающимися на тысячи километров. Микроскопические метеоры «протискиваются» над Землей, сопровождая ее в вечном полете во Вселенной. Ученые предполагают, что на поверхность нашей планеты выпадают миллионы тонн метеорной массы в течение одного лишь года. Естественно, что самая крошечная частица из этой метеорной тучи может пробить сквифидр космонавта или причинить ущерб кораблю. Поэтому метеорные патрули вели все время самое тщательное исследование космического пространства, чтобы дать «метеорный прогноз», гарантирующий безопасность полета.

Вторая опасность связана была с космической радиацией. В безлопном океана Вселенной — протон, альфа-частицы. Видный советский ученый С. Вернов, прибегая к образному сравнению, говорит о «риффах» и «бурях» в космическом пространстве. «Риффы» он называет радиационные пояса, окружающие земной шар, а «бурями» — солнечный ветер, чрезвычайно интенсивные излучения, связанные с активностью Солнца. Система службы Солнца и позволяет прогнозировать «радиационную погоду», точно определяя время, когда возможен безлопный для жизни и здоровья космонавтов звездный рейс.

Важнейшим условием достижения новой победы был переход космонавтики к новой конструк-

ции космического корабля — от одностороннего «Восток» к многоместному. Более современному «Восходу». В прошлом году в кабине космического корабля «Восход» разместились первый в мире звездный экипаж — Владимир Комаров, Константин Феоктистов, Борис Егоров. Дружной бригадой провели они важные научные исследования.

Примечательной особенностью рейса космического корабля «Восход» было то, что на его борту летели первые в мире «космические ученые». Любопытна была и другая деталь: космонавты отправились в путь без своих традиционных доспехов — скафандров. Обычные спортивные куртки заменили им специальную космическую одежду, дублирующую защитные свойства оболочки космического корабля.

Однако следующий рейс «Восхода» потренировал вновь облачать космонавтов в скафандры, на этот раз специальной конструкции. Скафандр, в сущности, та же герметическая кабина со всеми бытовыми удобствами, только миниатюрная, гибкая, пригнанная по телу космонавта. Плотная, непроницаемая оболочка скафандра позволяет поддерживать в нем необходимое давление воздуха и защищает человека от опасного космического вакуума. Внутри герметического шлема с прозрачным иллюминатором есть устройство для связи с кораблем и с Землей.

...20 минут жил и работал Алексей Леонов в условиях космического пространства, причем 10 минут находился он вне стен корабля. Пять шагов, сделанных им в пустыне, именуемой космосом, начают большой путь человечества в околоземном пространстве.

Помните, как встречала ликующая Москва Павла Белыева и Алексея Леонова! Тогда Первый секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев говорил: «...Придавая исключительное значение космическому полету и свободному выходу в космос, впервые в мире осуществленному тов. Леоновым под руководством командира космического корабля тов. Белыева, Центральный Комитет партии и Советское правительство решило в память об этом историческом событии сохранить навечно всю документацию и кинолентку о полете товарищей Белыева и Леонова. Решено замуровать специальную ампулу с этой документацией в Москве у монумента покорителя космоса — памятник основоположнику космонавтики К. Э. Циолковскому. На месте, где будет находиться ампула, будет установлена мемориальная мраморная доска с надписью золотыми буквами.

Одновременно принято решение замуровать в этом же месте ампулу с документацией и кинолентами о полетах всех советских космонавтов — товарищей Гагарина Ю. А., Титова Г. С., Николаева А. Г. и Поповина П. Р., Никольевой-Терешковой В. В. и Бельковского В. Ф., Комарова В. М., Феоктистова К. П. и Егорова Б. Б.».

Автору этих строк вспоминается сейчас далекий год, когда он, молодой журналист, пришел в тихий дом на тихой улочке Калуги и долго слушал человека с глазами гения. Константин Эдуардович Циолковский, приставив к уху жестяной раструб,— он был глуховат — слушал мои вопросы и с жаром рассказывал о жизни человека в межзвездной среде, о будущих небесных островах, о том, как человек освоит новую среду обитания.

Как порадовался бы Циолковский, если бы увидел на экране телевизора выход Алексея Леонова из кабины космического корабля в межзвездную среду. Ведь сбывается мечта Циолковского, сбывается самая главная его мечта — штурм космоса, верил он, поведут большевики, и только они во имя мира и прекрасного будущего человечества смогут исследовать и освоить новую сферу жизни — Вселенную.

И вот ныне, вернувшись на Землю, Алексей Леонов весело и уверенно говорит:

— Дело сделано! Теперь нужно ждать в космосе верхолазов-монтажников, инженеров, сварщиков. Недалеко время, когда будут строить они межпланетные пересадочные станции, небесные острова, доки для ремонта и дозправки планетолетов.

Дал в освоении космического пространства наступил новый этап.

Советский человек, космонавт Павел Белыев впервые в мире осуществил посадку корабля с помощью ручного управления. Советский человек, космонавт Алексей Леонов лицом к лицу встретился с космосом.

Звезды стали ближе!

Е. РЯБЧИКОВ

ПЕРЕД КОСМИЧЕСКИМ СТАРТОМ

Со стр. 1

хрустнуло в ушах. Голос Павла Ивановича я уже слышала будто через вату: «Зажмите шланг у колес». Крути шпираль, раскочулись, как по реке, в которую кинули камень. Сквозь них я видела: шланг соскочил со штуцера и торчит словно сухая ветка. Крути перед глазами становилось все больше и больше.

Очень жаль Павла Ивановича. Расстроился жутко. Теперь все чаще я вижу, как он достает из коробочки маленькие кусочки сахара, капает на них лекарство. Говорят, что из-за хомутника крепления шланга он устроил страшный «раскордаж». Абсолютно прав. Сорвать эксперимент из-за какой-то чепухи!

«Эксперимент повторяли через неделю. Накавуно в голову запаало: может, отказаться? Подумала: я откажусь, другой, третий... А кто пойдет? Сейчас это кажется смешным. Но ведь было такое. Удивительное это создание — человек! Пульс перед опытом подскочил до девяноста. Вот они, нервы! По-

том все вошло в норму. Поднимали очень медленно. Так, во всяком случае, казалось. Даже злился на П. И. за медлительность. Хотел сказать: не тингите. В тот самый момент открылась дверь. Я уже была на земле».

Павел Иванович вошел в камеру с цыганом. Вот чудак! Наверное, сам собрал на аэродроме. Обнял меня: «Двадцать пять тысяч. Поимаете, мы были на двадцати пяти!» С сердцем у него, наверное, совсем плохо. Только сказал мне о двадцати пяти, пошатнулся. Еле-еле я успела его поддержать...»

«Меня отправляли в отпуск. Павел Иванович целый месяц был на больничном».

Сегодня наконец мы встретились. Очень я о нем соскучилась. У него в кабинете все по-прежнему. И он все такой же. Веселый. Только певальора стала пеньяносерой...

Теперь предстоят новые эксперименты. Буду вести дневник ежедневно. Если, конечно, не будет «ЧП», как в тот раз...»

Нужны ли комментарии к этому дневнику? По-моему, нет. Кстати, дневник Сергея наводит на мысль о плане построения моего репортажа. Стоит ли описывать то, чего не видел своими глазами! Не лучше ли опубликовать документы!

Моя следующая встреча — со светловолосым крепышом, которого зовут Николай.

— Знаете, Коля, мне Сергей свой дневник показал. А вы не ведете!
— Нет. Раньше вел. А теперь вечерам, если они свободны от опыта, пишу грант науки.

— Учиться!
— В академии... Тяжело... С эпилепсиями у меня конфликт.

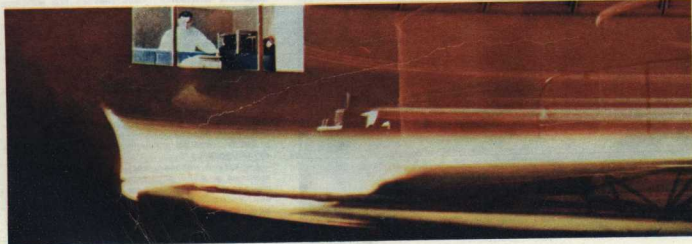
Он смеется: видимо, и самому непонятно, почему возник «конфликт» с эпилепсией.

— Если хотите, вместо дневника посмотрите мой бортижурнал. Борис Григорьевич, наверное, позволит...

Борис Григорьевич при моей просьбе оживляется. Профессору явно нравится, что «Смена» собирается рассказать об испытателях.

ДЕНЬ ЗА ДНЕМ ОН ЖИВЕТ В КАМЕРЕ. ГДЕ УСЛОВИЯ СРЕДЫ РЕЗКО ОТЛИЧАЮТСЯ ОТ ЗЕМНОЙ.

ЭКСПЕРИМЕНТ ПРОДОЛЖАЕТСЯ. УЧЕНЫЕ ФИКСИРУЮТ. «СОСТОЯНИЕ ИСПЫТАТЕЛИ ПРИ ВОЗДЕЙСТВИИ ПЕРЕТРУЗОК ОТЛИЧНОЕ».

ВОТ ОН. СЛЕД ЭПЕГУ. ЦЕНТР ЦЕНТРИФУГИ.

— Прекрасные ребята! Великолепные! А какие скромные! Нет, одного бортжурнала вам будет мало. Явно недостаточно. Вы дополните от себя. Не жалейте эпитетов. Испытатели заслуживают самых громких. Самых громких... А бортжурнал смотрите на здоровье.

Он дает мне толстенную тетрадь в колениковом переплете.

ИЗ БОРТЖУРНАЛА ИСПЫТАТЕЛЯ

«1 декабря, 9.00. Эксперимент начат. Его цель — проверка возможности применения системы жизнеобеспечения в условиях среды, отличной от земной...»

Мне необходимо четко зафиксировать работоспособность в зависимости от времени пребывания в камере и концентрации гелия...»

Хочется есть, хотя пища куда калорийнее, чем дома. Это не от гелия. Скорее всего, желу-

док привык к большим объемам...»

До чего же изменился голос! На целую октаву стал выше. А вдруг таким и останется! Буду говорить, как Буратино...»

Все нормально. Самочувствие по-прежнему отличное. Согласно программе, провела смену узлов агрегата...»

Борис Григорьевич предупредил, чтобы я записывал все свои

ощущения. Стоит ли записывать, что сегодня как-то грустно! Буду иду в гору, которой нет конца-края. Попросил адьта музыку. Джаз раздражает. Нужно что-то мелодичное. Вот Дебюсси слушала с удовольствием. Как хочется выжить, чтобы потрогать водную струю из крана, или снег, или поддержать за руку Бориса Григорьевича, или почистить зубы своей «домашней» щеткой!

В «мшире» я, наверное, потому, что сегодня кузминация эксперимента — четырнадцатые сутки...»

Работоспособность по-прежнему нормальная. Самочувствие тоже...»

До конца опыта не так уж долго. Где-то я написал, что было ощущение человека, поднимающегося в гору. Теперь наоборот. Будто

спускаюсь с горы и дом уже совсем близко...»

31 декабря. Проверю запись: все ли сделано, предусмотренное программой, все ли записано, не забыла ли чего?

Программа нарушена — первый раз за месяц. Не могу уснуть...»

Вот и утро. Через несколько минут откроют камеру. Знаю, как собралась всей лабораторией у двери. Впереди, конечно, Борис Григорьевич. По нашей традиции — с цветами.

Жаль, что не смогу пойти встречать Новый год. И вообще никому не смогу пойти. Учиться ходить придется заново. На это потребуются, наверное, целая вечность...»

Эксперимент, с точки зрения испытателя, прошел успешно. Советской науке — слава!»

ПЕРЕД КОСМИЧЕСКИМИ ПОЛЕТАМИ

И. БОРИСЕНКО,

спортивный комиссар Федерации авиационного спорта СССР

Перед стартом космонавты по традиции приходят на Красную площадь, а мы, спортивные комиссары, тем временем готовимся к оформлению новых рекордных достижений. Там было и в марте, перед полетом «Восход-2».

Как всегда, мы провожаем космонавтов до самой ракеты. Лифт поднимает их в кабину. Вот через люк в корабль входит Павел Белая, за ним — Алексей Леонов. Закончили последние приготовления и старту. Пора занимать место у специального секундомера.

Я погружаюсь на хронометр, контролирующая стрелка которого отсчитывает последние секунды.

— Ключ на старт!
— Есть ключ на старт!

— Алмаз, Алмаз! — говорит в микрофон Ю. А. Гагарин. — Все идет нормально, по программе.

Ответа из корабля не последовало, так как после объявления пятиминутной готовности на борт было передано указание находиться только на приеме.

На наблюдательном пункте затикают радиомикрофоны. Все присутствующие походят и перидам веранды. Секундная стрелка приближается к цифре 12. Гаснет слышимый голос командира:

— Пуск!
— Есть пуск! — дублирует оператор.

В следующую мгновение все затихает в мощном реве двигателей. Я пущаю секундомер. С этого момента начинается время полета ракеты в космическом пространстве.

Первый космический рекорд был зарегистрирован четыре года назад, после легендарного полета Гагарина.

Но космические спортивные комиссары ведут свою историю с октября 1960 года. Именно тогда впервые был поставлен вопрос о правилах регистрации рекордов, устанавливаемых человеком на ракетах в космическом пространстве. Произошло это в Варшаве, на заседании Спортивной комиссии Международной авиационной Федерации (ФАИ).

Инициатива исходила от представителей США. Американцы были уверены, что первым полетит их космонавт. Представлений делегацией США проект поддержки англоамериканскими изменениями. Но настоятельной делегации из него было исключено положение о регистрации рекорда в случае, если космонавт не возвратится на Землю. Советские люди не могли допустить, чтобы космос стал ареной бессмысленных жертв в погоне за сенсационными результатами.

Комиссия решила признавать и регистрировать в качестве абсолютных мировых рекордов достижения на продолжительность полета, на высоту в неорбитальном (баллистическом) полете (полет вокруг Земли), на наибольшую массу (вес) космического корабля, поднятого на высоту 100 и более километров от Земли (высота менее 100 километров была оставлена для будущих рекордов авиации).

Для утверждения мирового космического рекорда страна должна представлять на утверждение ФАИ список о рекордном полете. В этом документе должны быть указаны: маршрут полета, о старте, полете и приземлении, общие сведения о летчике-космонавте, указание его национальности, дата выдачи спортивного свидетельства, список материалов, результаты обработки всех дан-

Спортивный комиссар И. Г. Борисенко перед стартом заполняет документы полета П. И. Белая и А. А. Леонова.

ных координационно-вычислительного центра, телеметрическая информация, программа полета, личный доклад летчика-космонавта и другие материалы.

Полет Ю. А. Гагарина на корабле «Восток» был зарегистрирован именно по этим правилам, после того как все материалы были утверждены на заседании Спортивной комиссии Цен-

трального авиационного спорта СССР имени П. Т. Чаглова.

Спортивным кодексом ФАИ предусмотрено, что новое достижение может быть признано мировым рекордом в том случае, если оно превышает старый по космическим полетам на 10 процентов, а по полетам других летательных аппаратов — не менее чем на 1 процент.

ПЕРЕД КОСМИЧЕСКИМ СТАРТОМ

Я закрываю бортжурнал. Борис Григорьевич видит, что чтение кончено.

— Ну как! Почитай, какой паренек!

Выходит же журналистское удилище: это когда материал сам идет в руки. Так и в эту минуту. В кабинет заходит секретарь национальной организации испытателей. Сначала у него дела к Борису Григорьевичу. Потом он говорит мне:

— Походите в комитет. Я вам сейчас стенограммы покажу.

Я прошлось с профессором и идю в комитет.

Мы перекладываем огромные листы.

— Ну, как наша газета! — спрашивает секретарь.

Газета, по-моему, делается здорово. В ней масса живого. И только злободневное. Вся она, как говорится, она юмором. И вдруг «белая ворона».

Заметка, единственная в своем роде. В следующем номере последующих — продолжение рассказанной истории.

Я дословно списываю эти заметки.

ИЗ СТЕНГАЗЕТЫ КОМАНДЫ ИСПЫТАТЕЛЕЙ

«Стандю должно быть, Василья».

Наш Долг — Долг испытателей — дать объективную оценку своему состоянию в эксперименте. Это алфа и омега нашей работы. Однако Василья забыть об этом.

Работа по повскам наилучшего положения тела космонавта в кабине корабля имеет огромное значение. Какими оптимальными условиями кресла? В каком положении лучше всего встречать действие вектора перегрузки!

В отряде космонавтов, которые готовятся к первому старту в космос, от ученых ждут ответа на эти вопросы. Мы признаем помогать ученым. А что сделал Василья?

Во время эксперимента на БЦФ — большой центрифуге — он погустовывал, что дальше невозможно, но не захотел прекращать опыт, не подал команду на остановку БЦФ.

Конечно, ничего с ним не произошло, да и не могло произойти. Ученые обязательно стоят на страже нашего здоровья. Николай Николаевич, руководивший экспериментом, прекратил опыт по данным телеметрии.

Однако он посетил нужным дать такую оценку случаю: «Этот позорный случай, горе-репортж. С таким отношением к науке лучше заниматься не испытываем, а маршевым бегом. Там, после дистанции, пульс спортсмена доходит до ста шестидесяти. У нас этого не будет! Мы не допустим никакой патологии! Нам нужно повысить реальное человеческое возможности, а не фокусничать со своим здоровьем».

Поступок Василья — пятно на всех нас. Потому Василья должен быть наказан. И строго. Я предлагаю просить ученых отстранить Ва-

силия от испытаний на долгие месяцы. У него будет время поразмыслить над своим поведением.

ВНИАС.

«Критика помогла!»

Есть такая поговорка: «Кто старое помянет, тому глаз вон». Потому и не хочу вспоминать о проступке, совершенном Васильем. Но надо сказать, что критика пошла ему на пользу.

В последнее время ему довелось участвовать во многих экспериментах на БЦФ. Он испытывал на себе повышение черной печени перед глазами, которая возникала через десять секунд после начала вращения. Он испытывал пятнадцатикратные перегрузки — тогда его тело весило больше тонны.

Ученым казалось, что угол наклона кресла в 65 градусов наилучший. Теперь с помощью Василья Николай Николаевич доказал, что под углом в космическом пространстве к действию вектора перегрузки человек способен перенести увеличение своего веса в двадцать шесть с половиной раз!

Работа Василья не требует никаких слов. Она говорит сама за себя.

ДАНЫЕ ОБ ОРБИТАЛЬНЫХ ПОЛЕТАХ СОВЕТСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ КОСМОНАВТОВ НА КОСМИЧЕСКИХ КОРАБЛЯХ-СПУТНИКАХ

Космонавты	Продолжительность полета в часах	Пройденное расстояние — дальность в тыс. км	Наивысшая орбитальная высота, км	Максимальная высота полета	Количество орбит	Максимальное количество вращений в сутки	Дата полета
1. Ю. Гагарин	1 ч. 48 м.	41 000	4 723	327	1	—	12 апреля 1961 г.
2. Г. Титов	25 ч. 11 м.	703 143	4 731	257	17	1	6—7 августа 1961 г.
3. А. Николаев	94 ч. 09 м. 59 с.	2 639 500	4 722	234,6	64	4	11—15 августа 1962 г.
4. П. Попович	79 ч. 43 м. 48 с.	1 981 050	4 728	236,7	48	3	12—15 августа 1962 г.
5. В. Выковский	118 ч. 56 м. 41 с.	3 325 957	4 720	220	81	5	14—19 июня 1963 г.
6. В. Терешкова	70 ч. 40 м. 48 с.	1 970 990	4 713	231,1	48	3	16—19 июня 1963 г.
7. В. Комаров, К. Феонтистов, В. Егоров	24 ч. 17 м. 03 с.	664 784,027	5 320	408,0	16	1	12—13 октября 1964 г.
В сего:	405 ч. 47 м. 19 с.	11 331 524,027	5 320	408,0	275	17	
С Ш А							
1. Д. Гленн	4 ч. 56 м.	129 000	1 353	256	3	¼	20 февраля 1962 г.
2. М. Кларкентер	4 ч. 56 м.	129 000	1 353	262,4	3	¼	24 мая 1962 г.
3. У. Ширра	9 ч. 12 м.	247 000	2 000	316,8	6	¼	3 октября 1962 г.
4. Г. Купер	34 ч. 20 м.	930 000	2 000	262	22	1,5	5 мая 1963 г.
В сего:	53 ч. 24 м.	1 435 000	2 000	316,8	34	Боле е двух	

Эта таблица наглядно показывает рост достижений Советского Союза в освоении космического пространства. Отмечено оно дополняется новыми данными — о полете экипажа «Восход-2». П. Белая и А. Леонов установили абсолютный мировой рекорд

по высоте полета — 495 километров, та — 495 километров. И, наконец, а также мировой рекорд в классе Алексей Леонов первым в истории орбитальных полетов на межместных космических кораблях; продолжительность полета — 26 часов 02 чешского пространства 20 минут, минута, дальность полета — свыше в том числе вне корабля — 10 миллионов километров, высота полет.

Недавно, когда к нам приехал будущий Космонавт, Николай Николаевич провел с ним эксперименты в различных положениях кресла. Космонавт утверждает, что воспримет грузцов — оптимальный угол. Тогда Николай Николаевич сказал, указывая на Василья: «Это ему спасибо скажете. И мы тоже поздравляем тебя, Василья!»

Валас.

Мне очень запомнилась фраза, сказанная Владимиром Михайловичем Комаровым на первой после возвращения из космоса пресс-конференции. Запомнилась потому, что совершенно ошеломила меня. Комаров сказал: «И это когда при проведении «Маринера-7» astronaut испытат перегрузку в 17—20 единиц. Если бы «Маринера» угодил на сушу — сорократил перегрузку! Даже при амортизирующих средствах тело весит три тонны! Подобные перегрузки американцы считают «нормой». У нас это исключительный случай.»

Но в том-то и дело, что, когда способность человека жить и работать в космосе проверена, доказана и передана, испытатель ходит в разведку именно за «исключительными» случаями. Один из них — ударные перегрузки. Мне разрешено присутствовать при очередном эксперименте.

И прихожу к стенду заранее, когда там еще идет подготовка к опыту. Мне завалила из предосторожности. Прежде, чем испытателю предложено участвовать в этом эксперименте, на науку работали его «двойники». Они были точной его копии. Даже прочност «руки и ноги» манекенов соответствовала «прочности» его мышц.

Кресло летело вниз. Манекен «сидел» в нем, «зависшим» руками за подлокотники, и оставался «железнодорожником». Увеличивались перегрузки. Манекен углы, под которым кресло встречало удар. Наконец в одном из опытов манекен развалился. Тогда появился второй «двойник». Прочность этой куклы соответствовала «прочности» тела испытателя, но уже при напряженных мышцах. Он много и позлано работал, этот второй манекен. Теперь наступила очередь идти в разведку самому испытателю.

«Володя подошел к нам настолько незаметно, что этот момент я упустил. — Все готово! — спросил он. — Можно начинать!

Он садится в кресло. Кресло взлетает в высоту. Оттуда через несколько минут Владимир предост «прыгнуть» на землю.

«Сегодня он будет весить в момент приземления больше четырех тонн», — объясняет мне ученый, руководивший опытом.

Ветер раскачивает подиумы над землей кресло. Интересно, о чем сейчас думает Владимир!

«Маль, что я не знаю этого. Да сейчас и не спросил. Вижу его лицо. Оно очень сосредоточено. Тело в поисках лучшего, самого удобного положения. Он явно стремится как можно плотнее вжаться в кресло. Берит головой. Это понятно. Чем больше напряжены мышцы, тем неудержимее голова оторвется от подлокотника.»

— Внимание. Приготовиться...

Выдох. Он делает глубокий, полный выдох. Озоро блиснула глаз, как у хомячка, который только что оторвал у соперника шабью. Уже не различаешь, где кончается кресло и начинается тело. Владимир и кресло. Сейчас это — единое целое.

— Сброс!

Знаете, какая сейчас тишина...

Кресло летит к земле.

Цвета появляются из ящичка позодной аптечки. Шум стонт невообразимым.

Потом, через несколько минут, профессор, руководивший экспериментом, говорит:

«Вот что, Володя. Американец Стэпп, перенесший пятдцатитричную ударную перегрузку на ракетной тележке, очень гордится своим рекордом — у них это называется рекордом... Не смейтесь, Володя, пожалуйста... На его месте я поторлился бы послать вам телеграмму, поздравление с победой... Ну, а теперь марш отдыхать.»

Владимир уходит. В руках чашка. Ему и вправду надо отдохнуть. Завтра новый эксперимент. Завтра очередная разведка.

Может, как раз перед полета космонавта-10, космонавта-11...

Бор. СЕМЕНОВ,
специальный корреспондент «Семья»

ФОТО В. ГИЕЛЬСКОГО,
специального корреспондента «Советского Юнона»

В публикуемом ниже отрывке из романа В. Кожевникова «Штат и мечта» действие происходит уже после распада гитлеровской Германии на Советский Союз. В этом эпизоде рассказывает о том, как советский разведчик Александр Белов (теперь уже не солдат-шофер Иоганн Вайс, а фрейтубер) идет вместе со своим нацистским капитаном Дитрихом в гитлеровский лагерь смерти, чтобы в среде советских военнопленных найти протекторов для обучения в шпионско-диверсионных школах.

(ОТРЫВКИ ИЗ РОМАНА)

од юнкерами мотоцикла скривил лицо, шекалда отсвечивала стенами. Карьера с выжженным по плечам юнкером были черны. Сидя уткнувшись в деревянные вышки, вечная проволочная ограда в несколько рядов. На серых стовбах белеет крупными изоляторами — значит, через проволоку пропущен ток высокого напряжения.

Показались каменные нижние постройки с высиными кирпичными трубами.

— Преморити?
— Нет, это очни для обжигания керамических плит, — охотно пояснил Райс. Помедлила. — Но их тоже используют... Иногда.

Прошли один, затем другой ворота, гуло илхтенные колодезь проволокой, по краям бетонные кольями, разрозненные пулеметные амбразуры. Мотоцикл оставили у входа в коммундату — баганного типа одноэтажное деревянное здание, без фундамента поставленное на бревна.

По кирпичному тротуару вышли на пустынный асфальт. Песчаная почва здесь была плотно утоптана, а пот и кровь с разбитых ног послужили ажиотажным материалом для псов, превратили его в подобие асфальта.

Остальная площадь лагеря была разделена проволокой на клетчатые загоны, в каждом из них стояло по два низких барака, да снята крыши которых человек среднего роста мог дотряться рукой. Эти бараки здесь называли блоками.

В нескольких метрах от проволочных заграждений тянулись более известные полосы. Ступивший за эту границу заключенный карается так же, как за побег.

Ни кустина, ни засохшей травинки — ровное черное пространство, хорошо просматриваемое с любой возвышенной точки.

Она в бараках, хотя и узкие, тянулись почти во всю длину стен, в деревянные выжженные трубы шли почти через каждые десять метров, но поставлены они почему-то не вертикально, как полагают трубки, а торчат из стен кучками лицами.

Райс объяснил:
— Это для прослушивания. — Потом сказал с гордостью: — Господни Илейн вещь много усердывающийся. Он, например, избегает глумливых казней. Но изрядный карьер снабжен тиними средствами, чтобы вынужденный мог сам расправиться с собой, если, конечно, господни оберштурмбанфюрер считает его ликвидацию целесообразной.

Значит, организуется самоубийство?
— Ну, почему же самоубийство? Просто свобода выбора.

Увидев приближающуюся поволоку колонию заключенных, Райс посоветовал Иоганну обратиться к ним выжидающе.

— Принцип обезличивания — тонка идея господни Илейна. Начинается с того, что каждый заключенный имеет только свою номер — больше ничего своего. Ни одной вещи мы им не разрешаем иметь, только номер. В этих же целях каждый заключенный меняет ежедневно барак, место на карах и группу, в которой находится. Мы их так сумам нам колону карт. Особенно у советских развит инстинкт организзованности. А тиними способом мы перешиваем этот инстинкт. Ну и легче половить слушателей.

— Дивоческо?
— Да, конечно, это наш термин, он более точен.

— И много их?
— Много ответов загадочно.

— Это личные карды оберштурмбанфюрера.

— Вот тайне ребята нам и нумень! — в интуитивном воспоминанию Райс. — Надеюсь, вы нам коужного уступите!

Как прикажет оберштурмбанфюрер. Иоганн поклона руку на спину Райса и, дружески похлопывая его, посприло:
— А ну, по-притиснем. Парочку тиних, какие понурее.

— Ну не все, это один криули поразительной жирности.

Вайс сказал сухо:
— Нет, то, на которых производится медицинские эксперименты, нам не нужны.

— Да нет, этот совсем из другой породы, — рассмеялся Райс, — из тонких. Ну понимаешь, гончий кролик. Мы указываем ему место прохода в ограждении, он подготавливает группу на побег. Ну и, следовательно, таким простым способом мы выделяем еще не обезличенные объекты и избавляемся от них.

— Здорово, — похвалил Иоганн. — Шаблонный пример, — охотно сказал Райс, — тинем его еще с Трёмблинни.

Иоганн обвел глазами колонию заключенных, посприло:
— А ну, погляди мне этого парня.

— Да вот он, напротив — 720012. Понимай, что речь идет о награду номер на куртке заключенного, Иоганн довольно быстро нашел его.

Тиней же, как все тут, Ничем особенно не отличается. Лицо сизое, набришеве, уши круглые, широкие, ступульи, с отвислым задком. Вот разве что правая бровь от шрама слыла.

— Не годится для нас, староват, — сухо объявил Иоганн.

— Да ему и тридцати нет. Он все здесь похоним на стариков.

Иоганн, испытывая неустовое напряжение душевных сил, смотрел на лица заключенных, смотрел им в глаза. Но взгляд его встречал только стертые и мертвые лица, лица назидательные, невидящие его и не желающие его видеть. Он не существовал для этих людей — вот что означали их взгляды. Не существовал, и все. Он был для них и не что. Ничто в сером мушкетере. Ничто, голос которого они будут повиноваться так же, как голоса репродукторов.

Райс делал движение пальцами и произнес:
— Сведывает четыре да мола четырнадцатый. Блонфюрер выкрикнул:

Четко летаяш шаг, из рядов вышел скелетообразный человек, сив с головы повязотку матерчатую шапку, притупило, вытупило.

— Поговори, если хочешь, — разрешил Райс Иоганну.

Иоганн пристально глядя в лицо этого человека, плотно прихосиле и черепу, громко и внятно спросил по-русски:

— Вы желаете предлагать свои услуги в качестве извездника родины? Во имя победы Великой Героической революции?

— Не понимаю, — глухо сказал № 740014.

— Я плохо объяснил, по-русски! — спросил Вайс.

— Я не понимаю.
— Не понимаю, и все.
Заклоченный молчал.

Райс беспокойно осведомился:
— Как он тебе нравится?
— Он хочет подумать, — сказал Иоганн.

Райс посприло:
— Скажи ему, что я уже начинаю думать, не следует ли похотеть его в спецбюро. Он очень плохо выглядит.

Иоганн ответил:
Тини заключенного стало совершенно серым. Он усмехнулся оной щечкой, сказал сипло:

— Чо ван слыш! — спросил Иоганн.

— Все! — сказал № 740014. И добавил: — Значит, слезай, приехали.

— Марш! — приказал Райс и небрежно объявил подпочинному блонфюреру: — Это — и финишу.

— Момент, — сказал Иоганн. И с унылым попросил Райса: — Разреши мне самому его по-притиснуть.

— Отставить, — приказал Райс блонфюреру. Щелкая по плечу деревянными подошвами, заключенные разошлись в бараки.

На асфальте возникла всякая мертвая тишина. И сразу стали ошутими индла вося тумана, угарный запах выжженного пола и морского трюпа, острый запах дезинфекции.

У проволочной ограды серыми тенями метались охранники. Они никогда не лагали, их приучили мочка бросаться на людей.

Райс, осторожно шагая, никогда не ступил в лу-му, горюло:

№ 740014, охотно обторочный. Материал приходит и нам после значительного отсвеса, и все не падает лес коммунисты. Это очень опасно.

— Да, и притом несильно.

— Ты веш потом сивашеи шок, Иоганн, чтобы я не тралел три времени!

— Конечно, — согласился Райс, — Это всегда очень злительные экземпляры. Они умеют хранить тайну и только, когда идут на казни, обычно выдают себя.

— Чо мет?

— Вещесильнейшей демонстрацией хрибрости... Мы все шли по черному плечу, упртупму, нам кожа и пахнующая потной кожей, и думал о том, что в лагере убитого сначала ты, а потом — и другие. Но мы не отступились, мы крепкие, и даже не умеем его продлить, и предпочитает мгновенную смерть гитсу да предла, гитсу, что крепкие, но они мгновенно выприваються и, выпрививаються, стать снова выжили себе на гибель. И нужно найти тиних людей. Это нужно для дела, которому служат Иоганн, и тиние люди для него бесценны. Но как тиним?

Вот это, № 740014. Кто он? Кто он? Номер в карточке? А если Иоганн оказался в плену, разве он стал бы говорить правду? Конечно, нет, он лгал бы.

Но № 740014, уже приговорен Райсом к смерти. Мотер, теперь он скажет о себе правду? А зачем. Если он раньше не отступился предательством, почему он сделает это сейчас? Или солжет, чтобы выжить? Но ведь он прошел много проверок в отборочном лагере, стал кандидатом в извездники.

Надо поговорить с глазу на глазу.

Иоганн, но просто боялся друзей заключенных? Даже этот изощренный метод тасовки не избавляет слушателей от возмездия: их никто не находит в отхожих местах вертемыши. Значит, что-то здесь наметает протекателей. А ведь одному это не под силу, нужны организваные действия.

Нет такого луча, с помощью которого можно было бы увидеть человека насквозь. Нет и не будет. Но Иоганн должен найти способ. Должен...

Туман стал мокрым, почти непроглядным. Вайс включил на мотоцикле фару. Белый диск света торчал в туманной удрушающей мгле. Они выехали из низины. В бору было сухо, чисто. Песок скрипел под шинками, в окнах доминов лагерного помещения уютно

святились шеновие разноцветные лампы...

Дитрих сказал Вайсу, чтобы он занялся картотечной. Хитро подмигивая, предложил:

Я просмотрел личные дела и составил список. Ты тоже составь такой список. Если номера совпадут, то будет хорошее дело. Головы всегда неловко. — Потом похвалился: — Господи Иейн большой мошенник: не захотел расшифровать грифы на личных делах. Известное дело, эсэсовцы привыкли работать только на себя.

И вот все вечера и даже ночи Иоганн стал просиживать в канцелярии. Служебное время его были тоже не следовало пренебрегать. У Иоганна были свои, далеко идущие соображения: он решил прежде всего выпустить служебно-доносчиков. В сущности, Райс, раскрыв «критику», дал Иоганну в руки кончик ниточки. — Дерьма за нее, он и начал свое путешествие по канцелярскому лабиринту.

Иоганн не принадлежал к картотечкам в пограничных участках, но интересовал его пока что и папки с личными делами заключенных.

Ведомости продуктового снабжения, записи казюльки — вот что было ему нужно в первую очередь.

Все военнопленные обречены здесь на медленную смерть от истощения. И называют эсэсовцы голодом тех, кто попадает в штрафной блок, совсем ничего не дают.

Продлить жизнь в лагере может только еда. Вот эсэсовцы и поощряют нулиных им людей мратой. Дополнительный паек получают старосты блока — «нало», как их тут называют. Предатели тоже полагаются на дополнительный паек, а высшая награда для них — табак и шамас.

Иоганн тщательно изучал замасливающие отчеты на продуктивных ведомостях, анализировал под-

шитые к ним расписки блокфюреров. Номер «критики» был для него ключом к расшифровке этой сложной бухгалтерии. И вскоре Иоганн убедился, что выbral правый путь.

В списках людей, направленных в спецблок, на иррыш которого развевался белый флаг с красным крестом, он обнаружил несколько раз «критику». Всегда из спецблока никто не возвращался живым. И даты пребывания «критики» в спецблоке совпадали с датами расписки блокфюрера в получении дополнительного пайка, табак и шамас.

Такую же закономерность Иоганн обнаружил и по спискам штрафного блока: дата «наказания» «критики» всегда совпадала с датой получения дополнительного пайка блокфюрером и штрафного блока.

После многих ночей в канцелярии Иоганн установил, что не один «критик» благополучно возвращался из камер смерти. В списках было еще несколько номеров, неоднократно попадавших в спецблок и штрафной блок, и пребывание их там всякий раз сопровождалось все теми же расписками блокфюреров.

Так Иоганн выявил предателей. Картотечная Иоганна. Теперь он занялся личными делами заключенных. На некоторых из них гестаповец Флинник сделал пометки. Разобравшись в них, Иоганн понял, что заключенных, личные дела которых были помечены Флинником, обречены на смерть. Но не из-за крайнего физического истощения, а потому, что вопреки ему они сохраняют бодрость и оказывают тем самым вредное влияние на охраняющих. Иоганн выписал имена и номера таких заключенных. Среди них оказался и № 740014 — тот заключенный, которому он столь недумывал и открыто предложил стать изменником родины. Иоганн назвал вещи своим именем, хотя денежки давали наглые фашисты облакали подобные предложения в более обтекаемые и неопределенные формы.

Нервное напряжение бессонных ночей давало себя знать, но Иоганн был доволен. Он нашел ведомку пенса, выявил тех, кого следовало выявить, узнал имена заключенных, доблестно прошедших через все пытки и встретивших смерть с достоинством, которое Райс, понимая плечами, назвал бессмысленным. Имена их Иоганн тоже зашифровал. Он хотел выполнить свой долг перед казенными, хотел, чтобы узнали об их подвиге, чтобы навечно сохранилась память о них.

Выйдя с рассветом из канцелярии, Иоганн отправлялся в казармы где работали. Иоганн пытался наблюдать за теми номерами, носителя которых он интересовал. Он заметил, что доносчики не очень-то затрудняли себя, но Иоганн не понуждал их работать лучше. А тех, кого

Рисунок О. ВУКОЛОВА

чит гибель людей, тем плодотворнее считалась работа лагерной администрации.

Вайс беседовал с комендантами, слушал их сведения, рассуждал. Многие посетовали были примерно один и те же. Расстрели — слишком расточительная мера: они поглощают значительное количество боеприпасов, необходимых фронту, и сожалели, только крупные концентрационные лагеря оборудовали капитальными тахиными установками. И все коменданты выражали сочувствие аборигенам: да, очень трудно найти здесь наемных катеров. Поражало Иоганна, что зооинженеры не помнили в лицо даже тех заключенных, которые работали на немцах — отличались только по номерам. Это было манов-то непонимание или простое равнодушие, иногда даже беззлобное, доброе отношение и мимолетная близость. Среди администрации лагеря часто встречались зверо- и челявчатые лица, избитые, с которыми устало придумывающиеся изощренные пытки, — их считали упреждающими, но полезными чудачами. Однако массовые акции требовали от них торсион-хозяйственных способностей. И тех, кто обладал такими способностями, ценили больше, чем садистов, недостаточно соединявшихся главному — плануому увеличению заключенных. А эта сторона деятельности лагерей строгаише контролировалась.

Вайс выражал уважительное сочувствие комендантам лагерей и почти механически записывал при этом самые укаские слова из их лексикона. Он надеялся распознать их и себе, полюбивше вводить и о других трудностях, с которыми встречается администрация. Ему нужно было познакомиться с подпольными организациями, с такими организациями, действующими в лагерях. Интересно было ему также наиболее практически возможные способы спасения пленных, он хотел знать, как осуществляется система охраны, каковы образцы поведения, ведущие к избежанию преследования и розыск беглецов. И эти «задушевные беседы», в которых Иоганн был подкаивающаяся и восхитительно сочувствующая, всегда давали ему немало полезного, чем он и не преминул воспользоваться.

...Сведения, почерпнутые в лагерных картотеках и множестве других материалов, напечатанных у Иоганна, потребовали особой внимательности хранилица. И вот, предусмотрительно обернув свои богатства в вату и придав им форму длинной тонкой кобасы, Иоганн вынужден был однажды порезать совершенно целую автомобильную камеру, чтобы погрузить в нее весь свой арсенал. Убедившись, что все будет в сохранности, он залепил камеру, засунув в щель, начиная поодому и упираясь в багетчики. Сложившись, он залепил шлицы в случае нужды мог слухнуть не хуже остальных шпирек.

За эти дни безмерного напряжения Иоганн невероятно вымотался, но голова его оставалась ясной, мысль работала четко, постоянная близость от нервного напряжения, как это ни странно, помогла ему острее воспринимать окружающее, отделить главное от побочного, четко мыслить на лету каждое слово, которое могло оказать понимание и понимание. И его восприятие и болели глаза, ныли кончики пальцев, а до тех пор, когда брани все время кипело в сон, и когда вальс прилегло, это было как оборотное замещение.

Он проделал гигантскую работу, конспектировал, шифровал лагерную документацию, наносил на минископические пленки бумажки топографических наброски расположения лагерей, дислокации охраняемых частей и подразделений. На этих же пленках он размещал списки лагерного командования, сообщал статистику увечьями, имена героев и предателей. Особое внимание он уделял приемам вербовки, применяемым врагом.

— И, усталый, мимолетно физически, Иоганн испытывал прилив холодной, расчетливой ненависти, мстительного воодушевления, и это делало его дерзким, самоуверенным. Борьма дерзкою, как никогда.

Он понял, что преданная им «манцьялсина» работа сейчас во много раз важнее той называемой «силовых акций». И когда Центр получит собранные им материалы, он сможет предать им советских разведчиков будет верные и точные сведения о предателях, проникших за линию фронта, да и здесь, в тылу врага, они сделают то, что им положено сделать. А до силовых мужественных, мстительных действий Иоганн считал, что будет отведена пятидесяти омертвить их грязная рука провокаторов! Разве это не равно спасению жизни и даже больше, чем выживание — честь людей!

«Квеватэ устам предателей, чернить патриот — это том фашистская диверсия, и разве меньше она может вызвать смерть, чем диверсант «израччакной! И он, предпринимая такие диверсии, выполняет сейчас, может быть, самый славный честиный долг, спасает людей. Спасает их честь, их доброе имя».

На первой честиной змелбе изображены меч и щит. Да, ченист пораждает врага марширующим мечом, но не для того, чтобы оборонять себя, вручен ему щит — для того, чтобы защищать всех советских людей. И он говорил ему ченист-директор, ниц, его наставник.

— Щит — это твоё сердце коммуниста, и ничто столь надежное не защитит светлого человека от беды, как чистое сердце коммуниста.

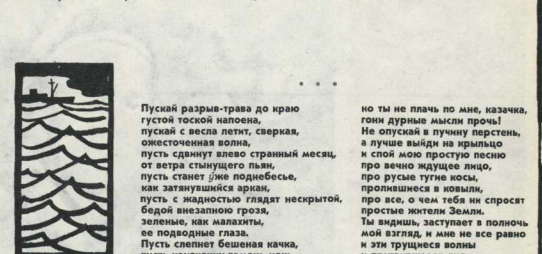
Что ж, Иоганну хотелось уничтожить предателя, оборотней, которых он здесь выявил, самому быть их жертвой. Но что «чиролана» в экспедиции в таинственный лагерь шахтер уже убрал, может, и не самими руками, у них так большая подпольная организация! Но разве узнать, кто скрывается в № 740014, найти шахтера было менее важно, чем выжить предателя! Наверное, Иоганн сообщил о нем Центру, и семья шахтера узнает, что пропавшего без вести муж и отец достают великого уважения, и будет гордиться им.

Борис ПРИМЕРОВ

г. Ростов.

Обратятся в шуныны и крылатых по закону северной земли клены. И поднимутся над краем, будто бы над печкой, журавли. Буныю зеленеющую птиц перьями почистят ветерком, снимутся с полей, пойдут кружиться над селом, над рощей, над прудом. И тогда черемухой изветят, взятый соловьям на разбой, выйдут и напьюсь в благодати, солнечной, ростою, луговой. И плавать мне на твоё богатство, золотое, алая и серебри звездан литое государство мне дарует восточное. Зачерпну первая в этии силы, и ударит чувства через край, а потом мне поодесте России песнями пропашный каравай.

Пустой разрыв-трава до краю туской напоена, пускый я весла летит, сверкая, остоенчатая волна, пусть станет влево странный мещец, от ветра сплывшего плава, пусть ударит же поднебесье, как затуманившийся аркан, пусть с жадностью глядят нескрытой, бедой внезапною грозю, зелёные, как малявчики, ве подводные глаза. Пусть сплывет темена чакча, пусть назинкут бышень-ночь.

Ах, зачем я не ограбил пашей летнего нестра! Слово огненные грабли, предосенная пора. Лес, как резвый жеребенок, толпому толпому копыт и застыл. И в долгом звоне не подад мне руки.

Боже мой, каине чашей! Только весь в насагда городской, совсем пропашай для крестьянского труда. Вышел месяц под деревья 13-за старенькой реки, подобрались с деревней возле берега стоит.

но ты не плачь по мне, казачи, мои дурные мысли прощай. Не опуская в пучину перстыя, а лучше выйдя на крыльцо и спой мою простую песню про земчу ждущее лицо, про русые тугие косы, пролившись в ковыли, про все, о чем тебе ни спросит простые жители Земли. Ты видишь, заступает в полномь твой взгляд, и мне не все равно и эти трущавые долины и пританевающие дны.

Г. ТУСЕВ

Степь, спокойная, как лебедь,— мой избыток снемы, зловещенная небом, прокума в густой крови. Ах, не я ли был той быльи в бесподобной славе гроз, где судило густой кобылю на лядинах и сердцу нес! Помню, помню каждый вечер на земле, в расвете струй, так, как помнят самый вечный, самый первый посылый.

Так останься в сердце тесном, от разлукн захлывшем, неронованная песней прокума в густой крови. В пласть легкого горошка бес пачали и вина, ты распысь svou дорожню во все стороны весны. Помню, помню каждый лето и травой прогорюм, что ижнуе тебе поэты, как когда-то косари.

«Ах, каине смешная потер!»

С. Есенин

Он грездится в подковах топонимских бровей, вальс песни и слова, взлорской соловей.

Соловей — это солнышко восходящего дня, ты как будто смеешься, ты не веришь в меня.

Ах, каине утратил! Много всякого утратил: был когда-то богатым, оттого не богат.

Оттого стою душой, от себя вдаль, так приди и послушай голос мой на реке.

Слушай, сколько угодно, ты увидишь, какой звук, ставшие плыть, что, как ручьи, легли

на степные заваты и протоптавшие ушко... Я не буду богатым, потому что люблю.

Немым светом ивишьнем от ручья до ручья весь я в чувстве зкован вон того солонья.

И колы вырос в хлопцот, то кну по стерне. Эхон гулкою солнца все заивдуют мне!

В небе чисто и чуткой! С высот, как со дня, заливается дудкою мать моя — тишина.

Одним из нас в редакцию пришел светлоглазый и светловолосый человек. На его сиромом темно-синем пиджаке поблескивала Золотая Звезда. — Александр Иванович Хальзов Подполковник запаса — представляю ои. — Проедем через Москву. Затем вот покажут этот снимок. Подумал, может, вам будет интересно посмотреть на обложку вашего журнала двадцатипятилетней давности...

И протянул плотный лист бумаги с цветной фотографией.

У самолета стоял совсем молодой паренек в летном комбинезоне, в небрежно сдвинутом на затылок шлеме и, серого цвета глаза, казалось, с нетерпением ждал, когда его перестанут мучить корреспондент...

— Не любил бы сниматься, — словно оправдываясь, смущенно улыбнулся Александр Иванович. — У летчиков много было всяких примет. Брешь, конечно...

Обложка эта ко мне попала совсем недавно, — продолжал он. — Знаю, кому случайно наши и прислали. А я уж, честно говоря, решил тогда, что ничего у этого Редкина не вы-

ЭТО БЫЛО НАД

К 20-ЛЕТИЮ
ВЕЛИКОЙ
ПОБЕДЫ

С М Е Ш А

6
1944

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

шло, вот и жив остался... Врут, значит, приметы...

— Звание Героя позже получили? — Под Верным... Проща, вернее, пролетая, немало: Кубань, Крым, Украина, Белоруссия, Германия... Ведь с тех пор в истории войны много и всего было. Случалось, воет в таком виде являлся и себе.

— Какими же мимическими фотографией, на которой была запечатлена обстановка боя?

— Это мой самолет... усмехнулся он. — Никто тогда не мог понять, как удачно вышло из оборонного и не сделал... А на самом деле... Вот один из кадров из того, что он рассказывал мне.

— Было это в Крыму. Наш десант высадился на Керченском полуострове и захватил небольшой кусок зем-

Уже у самолета, надевая парашют, я сказал своим ребятам: «Знаете, у меня есть идея...» Когда выложил им все, те даме глазами захопала. А потом поддержали меня.

Итак, было решено: подлетел к линии фронта, незаметно «привалязаться» и «накомунду» «привалязаться», а когда он повернет и себе, пойти за ним и, таким образом, узнать, где их база... Проще вроде не придумать, правда?

И вот летим. Под нами — линия фронта. Земля, как громадный ковер вулкана: гитлеровцы опять бомбит. Выискиваем для себя «провоатого». А сами все крутятся — то влево, то вправо, то вверх, то вниз: зенитки-то наши падают воссо. Да еще променотеры... Попадай в их шупальца — не успеют разобораться, свои ты или чужой. Только ночью останутся... Тут как раз один фашист попался им и точчас начал уходить, теряя высоту. Мы — за ним, немного сзади и чуть выше.

Наонец, позади остались ватные облачка зенитных острис. Последний раз, сделал огромный пожуруг

Оторвавшись от приборов, я посмотрел направо: вдали действительно виднелись красные и зеленые точки. Инстинктивно повернул голову влево и вздрогнул: буквально рядом вспыхнули огнями. Стало не по себе: гитлеровский самолет шел бок о бок с нами. Если он нас еще не заметил, по пламени из выхлопных патрубков, которое голубовато-синими кольцами окутывало моторы, то это могло произойти с минуты на минуту. Он или запросит нас по радио, или просто расстреляет в упор. А вдруг уже запрашивал, а мы не ответили (линии фронта)?

— Петя, столько прошло времени, как мы отделили от линии фронта? — спросил я Новиченко.

— Двадцать — двадцать пять минут... — Как ты думаешь, это тот самый самолет, за которым мы пошури?

— По моему, ой. Мы взяли его курс и больше не меняли...

востный аэродром! Времские самолеты, выстроившись в ряд и не убирая огней, стали заходить на посадку. Машина, которая «привалязала» нас, тоже стала садиться. Она послужила нам хорошую службу.

Я подавал сигнал ребятам, и мы по-спрашивали стюкаки самолетов, собирались одну за другой бомбить.

Задание командира полна было вышуде. Все прошло гладко. В воздухе мы в общей сложности были, наверное, не больше часа...

Там закончил свой рассказ Александр Иванович.

После войны Герой Советенного Союза Хальцев окончил Военно-воздушную академию. По состоянию здоровья он уже не летает. Теперь у него совсем мирная профессия — он инженер. А летом бывший ас, наводивший ужас на фашистских летчиков, с удовольствием возится с детворой: уже много лет он возглавляет пионерские лагеря. У Александра Ивановича солидный педагогический опыт: два дочки подрастает...

Ну, до свидания, мне пора...

ВНЕШНИЙ

ли. Тенело приходилось бойцам: гитлеровцы бросили против них танки, артиллерию, а главное, авиацию. День и ночь фашисты бомбили каменную землю, в которую буквально вгрызались солдаты. День и ночь горела она и дымилась. Именно тогда кто-то назвал ее «Югненной землей».

Однажды танкой, безавуарной ночью — дело было осенью — собрались в летчики в аэропорт, неутюженную, с двумя рядами нар по стенам, с тусклой контингой, под которой приселись солдаты, и с рассленным железным бочонком. Сполоняющая роль пелен. Почему не хотелось разговаривать. То ли отвратительная погода, штормовая, то ли влетела влетела на настроение, то ли нервы были натянаты в омидания очередного задания, но в земленне стояла невыносимая, а от этого вдвойне гнетущая тишина. Только завывание ветра да потрескивание фильна...

Телефонный звонку остановил вздрогнуть — танки он был резким и громким. Через минуту мой экипаж уже покинул замкнуток вызывали на номандный пункт.

Я предупредивал, что задание будет невыполнено, стоял в резервном дим. Но что оно «будет настольно серьезным, я, конечно, не мог предположить».

Командир полка подполковник Точин коротко объяснил обстановку: беспрепятственно налеты гитлеровской авиации ввонеч извучили десантники, до сих пор не удаётся установить, откуда являлись бомбардировщики. Необходимо во что бы то ни стало узнать, где базируются самолеты — шуторная. Летю на самолете. Все машины будут в боевой готовности...

Задание понятное — спросил Точин.

— Да понятно, — четко ответил я, хотя не представлял себе, как его выполнить.

Подполковник молча кивнул и посмотрел на меня одновременно укоризненно и ласково, как на близкого человека, который задого уходить и бодрится, не желая показат тревоги. Подполковник учил меня летать. Он вел меня в первый бой. У него на глазах я из курсанта превратился в старшего лейтенанта, уже имевшего несомненно правительственных награждений — шуторная. Летю на самолете было вложено им в меня и моих товарищей — в воздушного стрелка Володи Прокофьева: тихонного и расшудительного ленинградца, в сполоняча — в командира. Летю на самолете и радиста Федю Егорова, веселачного и баловного в отличие от меня, сиби...

Но в машине, взезшей на до аэродрома, мне думал только о том, как все-таки выполнить задание. Разведчики, летавшие днем, ничего не узнали о тех местах, где базируются танки и сведения не поступали. И ведь это был день! И сейчас ночь, хоть где-то светит. Ночь... Ночь... как эсли...

по небу, полонус на осветлениетным мечом променотер. Наступила полная тишина. Только ритмично гудели моторы да полисничала в маулничках морзянина.

«Назлось», все стало отлично. Мы буквально «на хвосте» у врезисного самолета...

И вдруг мои мысли прервал голос Володи Прокофьева:

— Товарищ командир! Саади нас и выше выку огни самолетов.

Не успел он кончить, как заговорил Федя Егоров:

— Вину огни справа...

Четкие на фоне неба контуры вражеской машины были великолепно видны в сетке прицела. Вот это соблази! Такая выгодная позиция стрелачет не часто... «Плудуемся», один самолет! У нас более важная задача... — услонявая я себя и снова смотрел на мерцающие стрелки приборов.

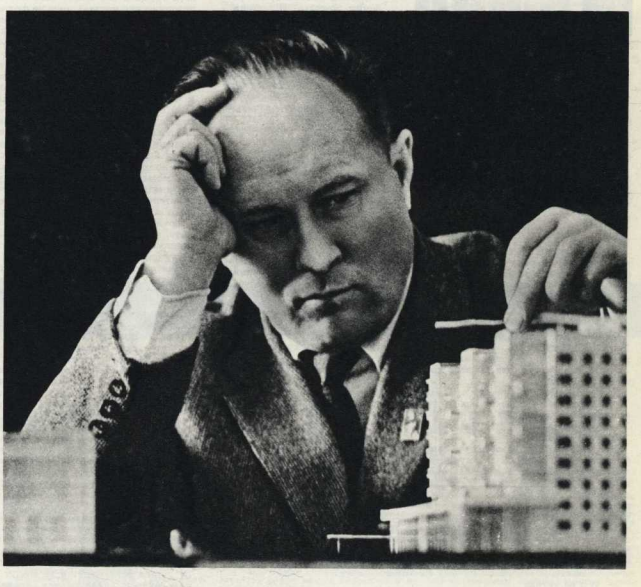
Вперед по курсу появлялся бедал полоска. Вот она все ближе, все отчетливее... Показались посадочные знаки... Сошнейный не оставался — это был аэродром противника, тот самый, таинственный, никому не из-

поднял он... — Извините, что побеспонял...

Александр Иванович спешил домой. До поездки на Краснодар оставалось совсем немного.

В. ГОРДЕВА

НА СНИМКАХ:
Майкоп. Экипаж Александра Ивановича (Хальцев — в центре). 1943 год. Инженер Хальцев. Краснодар, 1965 год.

**КОМСОЛЬСКИЙ
ВОЖАК:
КАКИМ ОН
ДОЛЖЕН БЫТЬ
СЕГОДНЯ?**

Вопрос о том, насколько эффективна отдача наших сил и каковы пути к ее повышению, давно уже не сидит в воздухе и постоянно, в спорах и обсуждениях, обретает весьма конкретные формы. Статья, опубликованная в первом номере «Смены», касается этого вопроса, и поэтому касается меня. Два года я заводила отделом студенческой молодежи в Московском горском комсомоле, и хотя специфика комсомольской работы среди студентов отличается от специфики комсомольской работы среди рабочих, методы и принципы, я уверен, у нас одни.

Текучка, собрания, заседания. Все что-то делаем. Времени абсолютно нет — даже на свидание с любимой девушкой. А как узнать, то ли делаем, что нужно, и так ли, как нужно? Я недавно перечитывала письма В. И. Ленина к А. Д. Цорнцу.

...В связи с нашим вчерашним разговором по телефону и Вашим обещанием строго соблюдать режим необходимо нам обстоятельно поговорить о системе работы и хорошеночко ее обдумать.

Самый коренной недостаток СНКома и С.Т.О. — отсутствие проверки исполнения. Нас агитирует поганое бюрократическое болото в писании бумажек, говорении о decretax, писании decretov, и в этом бумажном море тонет живая работа.

(24/II. 1922 год.)

...Тов. Цорнц! У нас, кажется, остается коренное разногласие. Главное, по-моему, перенести центр тяжести с писания decretov и приказов (главным мы тут до идивотав) на выбор людей и проверку исполнения. В этом гвоздь».

(21/II. 1922 год.)

Идет отчетно-выборная конференция в одном из московских вузов. Доклад... выступления... решения... Я сижу рядом с третьекурсником и перед самым концом конференции спрашиваю его:

— Скажи, Сергей, что бы тебе хотелось рассказать своим ребятам об этой конференции?

Сергей молчит. Мне кажется, я недостаточно ясно давал вопрос.

— Представь, что ты был на запуске ракеты. Тебе было бы о чем рассказать своим друзьям?

— Ну, об этом можно рассказывать...

И опять замолчал.

На конференции говорили о том, что «комсомольская организация формирует у молодежи коммунистическое сознание, добивается, чтобы принципы морального кодекса строителя коммунизма становились законом повседневной жизни», что «основу воспитания в высшей школе составляют социально-политические дисциплины», что «для улучшения работы по изучению общественно-политических дисциплин проводились проверки посещения лекций и семинарских занятий».

«Все это верно и в жизни Сергея и его другой имеет самое прямое отношение. Почему же все-таки ему трудно ответить на мой вопрос? Почему девушка, которая сидит за нами, не слушает докладчика, а читает книгу?»

— Скажите, пожалуйста, почему вы читаете книгу?

— А я не читаю.

— ?

— Когда интересно, я слушаю...

А с трибуны читает доклад: «проводились проверки... проводились совещания актива... на лекциях по политикоэкономии присутствовало 50—60% студентов... и т. д. и т. п. И кажется, что нет в комсомольской организации живых людей, а действует не что, которое проводило, присутствовало, делало выводы...

Я понимаю эту девушку и понимаю Сергея.

Пршедшим летом эта девушка была на пелтине. Работала повзвиркой. Вставала ежедневно в четыре, чтобы шиферы, замочки, штукатуры — мальчишки и девчонки с нее стрели — были сыты.

Там все было просто. Они строили школу, воевали с пльницей-пропа-

бом, работали по пятнадцать часов в сутки, «чистили» на собраниях Ленку Агитова, который не пошел работать штукатуром (говорят, что ему нравятся быть плотником, а все анализ: не пошел потому, что там меньше платят), нели пень у костра по вечерам, а потому вместе с ребятами открывали построенную своими руками школу. И много было всякого, и хорошего и плохого, по-человечески будничного, житейского, личного.

А докладчик? Знает ли он об этом? Знает ли он их житейские будни, их стремления, нужды, радости и печали?

«Все начинается с группы. Мы часто говорим, что «ВЛКСМ помогает партии воспитывать молодежь в духе коммунизма, вовлекает ее в практическое строительство нового общества, готовит поколение восторженных лавки при коммунизме» (Устав ВЛКСМ).

А комсорг группы, всегда ли понимает это, что «молодежь» — это и есть те двадцать пять парней и девчат, которые вместе с ним сидят на занятиях, делают лабораторные работы, учащены театром или теорией МГД-генератора, ходят в тоске от того, что она (или он) ушла на работу с другим? Приходила ли ему когда-нибудь мысль поблагодарить у родителей мать: «Ваш сын — отличный комсомолец? Хотя бы для того, чтобы просто сказать: «Ваш сын — отличный человек, его уважают в группе, он делает нужные и полезные дела и здорово учится». Поехать только за этим...»

И однажды задал такой вопрос одному группкомсору. Он ответил:

— Это как-то не принято.

Почему не принято? Начинать рассуждать, пользу или вред это принесет. Вроде бы со всех точек зрения хорошо. Родителям радость. Самому парню эта поездка тоже, видимо, не доставит огорчений.

Почему же все-таки не принято? А потому, что есть устоявшиеся формы комсомольской работы: собрания, политбюро, лекции, воскресники, а о чем мы говорили — это не «форма». И встреча Нового года в лесу всей группой (по плану есть «вездз за город, в Абрамцево: посетить исторические места») тоже не форма.

Именно этот строй мышления мешает комсоргу подходить к своим обязанностям естественно — прежде всего думать о людях, их потребностях, нуждах, работах, а потом уже о формах работы. Вероятно, не все люди думают о том, как помочь и что для этого нужно сделать.

«Весь последний год работы в отделе мы пытались найти такие средства, которые помогли бы всю комсомольскую жизнь пронизать активизмом к человеку — чутким, посеводным, требовательным и уважительным. Наш основной принцип: человек — центр активизма. Мы учили комсоргов строить свою жизнь в группе, исходя из этого принципа. Но как подступиться к этому практически, если в организации тысячи комсомольцев, а в комитете 15—20 человек? Где тут инструмент, который помог бы этим принципам реализовать?»

И хочу прибегнуть к одной аналогии, обратив ваше внимание на те формы, которые существуют в экономике. Там идет переписка прежних, волевым путем управления. Специалисты ищут: а что действительно движет людьми, какие экономические, моральные стимулы надо использовать, чтобы добиться большей рентабельности.

Точно такой же процесс идет в общественной жизни. Нам нужно изучить, что действительно движет как отдельных людей, так и каждую отдельную коллективу. Исходя из этого, необходимо перестроить и нашу организационную работу.

Как обычно строится учеба комсомольского актива? Собирают комсомольских работников и читают им цикл лекций. Что получают слушатели на учебе, организационный таким образом? Он лишь фиксирует в памяти, в лучшем случае в записной книжке (с надеждой использовать в будущем), идеи, факты, примеры. При таком методе исследовательские, творческие способности человека не развиваются, так как он, участник учебы, знаний не «добывает». Развиваются главным образом память, исполнительские способности и... пассивность. Можно добавить, что современная теория обучения доказала, что слушание лекций — наименее эффективный способ восприятия информации.

Но именно так проводили мы учебу актива до 1963 года. Летом 1963 года мы впервые попытались построить учебу вузовского актива так, чтобы каждый ее участник обязательно думал, осмысливал свою работу, в процессе учебы вырабатывал свою точку зрения.

Мы разработали практические задания.

«Составь характеристику комсомольца, которого хорошо знаешь».

«Что такое коммунистическая убежденность и как ее воспитывать?»

«Напиши письмо родителям комсомольца из твоей группы».

«Что надо сделать, чтобы при этом вузе была создана физико-математическая школа для подростков?»

И вот в лагере-школе «Восход» на Можайском водохранилище, волею списанного самолета, подаренного нам военным, сидят отряд в 12 человек. Думают, что-то пишут в своих блокнотах ребята из энергетического, педагогического, авиационного институтов. Потом начинается обсуждение. И командир отряда направляет работу, прилагая немало усилий, чтобы из множества мнений выкристаллизовалось одно единое, о котором он и сообщает на завершительном собрании лагеря. Так каждая команда дается решительный: в 10 минут он должен сложить самую суть. Таким образом, складывается определенная картина: работа комсорга, как любого другого активиста, состоит из рабочих операций, шагов, действий, которые выполняются в определенной логической последовательности.

В этом году, в январе, отбел студентской молодежи МГК ВЛКСМ проводил традиционную учебу вузовского актива. Основная идея: конкретные социологические исследования — наш рабочий инструмент. Новое, по крайней мере для нас, в том, что мы поняли, как с помощью этих методов можно улучшить всю комсомольскую работу вузов. Это позволило нам построить свою работу так, чтобы в центре внимания действительно был человек.

Антоний МАЗАЕВ,
аспирант Московского энергетического института

ДОРОГА

Далеко-далеко, под небом востока,
под флагом зари, под частливой
звездой
встречала, трасла и качала дорога,
продалась и снова звала за собой.
Котомку на плече,
стурбоги по пояс,
туманы густые —

хоть выколи глаза!
Угрюмое солнце, на солках поклоно,
не грело, а, камется, гробило нас.
Попорбуй такую примеру последуй!
на лыжах, на тархах, а большие
пешком
по тратам, по узеньким тропинкам —
по следу
уходишь мальчишкой —
придешь стариком.

Дорога, срувала наша подрута,
ты нас испытала на голод, на страх,
назад уводила, кружила по кругу,
взлетала

и надала в ноги, устала...
и выдвигалась к перевала,
ушла в студеных распадах локоя.
А в общем, дорога характер ковала.
А что же прочнее локояки такой!

Ах, как же я попал сюда,
где царствуют бродяги,
где драги — словно города,
а города — баранки!
По строчкам поколений
вспоминаю я разбрелся,
как глупые олени.

Я был поэтом, пастухом,
портовым работягой,
справился с лопом и кайлом,
командовал бригадой.

Я не мечтал присвоить власть
или купить машинку.
Я просто шел завоевать
далекую вершину.

чтоб за последней высотой
открыть такую область,
где дружит истина и жеточка,
где не рождался подлость.

Как хорошо, что понял я,
не став при этом инке,
где драги — это мы, друзья,
и наше счастье — мы же.

МАЛЬЧИШКА

Маленькую лодку
море встретит басом.
Эй, мальчишка,
лодку
управляешь парусом!

Это так знакомо!
Жарь, мальчишка, жарь!
Если море —
школа,
буточка —

букара!
Так же мы учились
в бухте, на мели,
прожияла штиль,
прожияла я Чили
чудо-корабли.
Эй, мальчишка,

правильно!
Упылай от берега!
Будет море Мраморное.
Будет море Беринга.
Бурк и тайфуны.
Кораблекрушения.
Табука полфунта.
Острова Лишиана.
За свелью морьям
так охают грусти!
Ты покмещи,

морак мой,
это что за утро!
Это что за волю!
Не дают житья озорнику.
И мальчишка шустрый
не дыша выводит
на писточке бутты
первую строчку.

Я не привык бросать слова на ветер,
я с детства пустовозить не привык.
ловярь, ловярь,
милей всего на свете
медовый запах керченской травы.
И по ночам —

бессонница ночного,
и над рекой —
загадки синих звезд.
Закрой глаза и слушай...
Слышишь!

Снова
в твоих ушах
небросный шум берез.
Но детства — что ж! —
оно давно в былом,
оно прошло не валки и не шкаты.
Мне по наследству — материнский дом,

а по плечу —

таежная палатка.
Я в четный день на пелюшке выжил,
воспитанный солдаткой и адовой.
Вот почему я стал взрослым и выше,
вот почему я искренний и злой.
Поэтому и руки затвердели...
Поэтому, куда бы мы ни шли,
я чувствую себе
своем дне в неделю
взрослеющего козляного земли.
А если неожиданно грустно,
во сне пою, свиданно наваю,
так это значит —

я еще сумою,
так это значит —
я хочу и смею,
и значит это все —
что я живу.

По следам
выступлений
«Смены»

В редакцию поступило много откликов на очерк М. Горькова «Времена года», напечатанный в № 15 «Смены» за 1964 год. Авторы писем В. Иванец и Т. Алексеева на г. Куйбышева, А. Смирнова на Магнитогорск и другие спрашивают редакцию, как стать геологом, как устроиться на работу в геологическую экспедицию.

По просьбе редакции на эти письма отвечает геолог М. Горьков, автор опубликованного в «Смене» очерка.

Прежде всего возникает ощущение, что многие авторы писем, выражаясь меланхолично «плыть в геологии», имеют весьма смутные представления о существе этой работы. Вероятно, в какой-то мере в этом повинны некоторые литераторы, подчас публикующие рассказы и очерки, в которых труд геологов изображается как непрерывное приключенческое, напряженное физическое сражение в борьбе с разнообразными стихийными бедствиями. Полагается, что в тайге, пустыне, горках бродят некие одеревеневшие «кладископатели», наповалившие и разбитые десантных героев «золотой лихорадкой»: они

голодают и холодают, регулярно переламывают себе руки и ноги, падают в пропасти, перевертываются с лодками и, рисуя мезантин, спасают бесценные образцы пород у ревущих речных порогов.

С точки зрения нормального геолога-исследователя, это все не более, чем картинки волноцинов, нарушителей правил техники безопасности. Безобразно, не имеющее ничего общего с подлинной романтикой умного, целенаправленного поиска.

Множество профессий, объединяемых понятием «геолог», требует сегодня от специалиста в первую очередь широких знаний, умения анализировать и обобщать увиденное в природе, разбираться в громадном материале, накопленном почти всеми естественными науками — от физики до географии.

Как ни парадоксально, в наше время геолог — специалист любого профиля — все более превращается в интеллигентного работника. Большую часть года геолог обязан работать в намеченных условиях: читать специальную литературу, писать отчеты, строить карты, схемы, профильные разрезы, анализировать материал геофизических, геохимических и других мето-

Б У У Г Е О Л О Г И Я М

дов исследований и данные смежных наук, помогающие познать закономерности строения недр.

Иногда приходится открывать отдельного месторождения какого-либо полезного ископаемого отряда, не вешая работу геолога и не обязательно служить показателями достигнутого успеха. Главным практическим эффе́ктом, и которому стремится геолог сегодня, — общие законы размещения полезных ископаемых. Это необходимо для того, чтобы смело прогнозировать месторождения, сотни новых открытий и вести поисково-разведочные работы не наугад, а по точному целеуказанию. Вот в чем состоит сегодня романтика поиска.

Однако специфика экспедиционной, полевой работы геологов остается обязательной для большинства геологических профессий. Хлеб геолога — фанты, наблюдаемые в природе. Во время полевых работ проводится составление геологических карт, работы по изучению горных пород, выходов скалы на поверхность, непосредственный поиск рудных и ирридных месторождений. Специфика полевого исследования определяет особенности быта экспедиции: палатки, костры, рюкзаки, лодки, верховые лошади — то самое, что прежде всего представляется несведущему человеку, когда идет речь о геологах.

По опыту я знаю, что геологические экспедиции охотно принимают на работу юношей и девушек, причем юношей более охотно. Конечно, работа онавается трудной, порой снучной, однообразной, во всяком случае, лишней того лирико-романтического ореола, который некоторыми издали приписывается за существо этого труда.

Так как работа в полевых условиях поначалу-чуждым трудом, многие вскоре уходят, другие остаются в геологии на всю жизнь.

Штаты на полевой сезон обычно комплектуют весной, поэтому все, кто хочет устроиться в геологическую партию на должность интеллента или практиканта, должен заранее обратиться в местное геологическое управление, поисково-разведочный трест, контору.

Итак, путь в геологию ведет через труд. И только тот станет настоящим геологом, кто сумеет понять высокий смысл и красоту таинного, подчас грязного, однообразного и даже нудного повседневного труда, обязательно в этой профессии. Только так можно стать геологом.

ПОИСК И МЫСЛЬ

зал во время смены картин, замечает завесам. Во многом условия костюмированной персонажей, особенно это касается Печорина и Автора, который ведет спектакль. Они одеты в скромные темные куртки без каких-либо признаков офицерского звания.

Интересно звуковое решение спектакля. Особенно эффектно оно в картине «Фаталист». Мерный, бесстрастный голос, раздающийся откуда-то сверху, голос фортуны, судьбы, сопровождается картинной игрою, во время которой Вулич держит свое статное лицо с Печориным. Неверные пламя свечей, направленные вниз итронизм. И этот голос, таинственный и четкий, как стук маятника часов в каком-нибудь древнем замке полон припадений.

— Уме Уонт Вулич, и Печорин может творить, ведь он выиграл спор. И

Встреча с классиком, с великим художественным творением всегда интересна и поучительна, от нее всегда ждешь чего-то нового, неожиданного. Одна из таких своеобразных встреч состоялась в Московском театре драмы и комедии, где творческий коллектив под руководством замечательного артиста РСФСР Ю. П. Любимова осуществил постановку «Героя нашего времени». Это произошло в дни Первого мая, когда вся наша страна с теплотой и любовью вспоминала своего юного мятельного поэта. Надо сказать, что романтическая драматургия М. Ю. Лермонтова легко находит путь на сцену наших театров. Станет и «Маскарад»,

и «Странного человека», и даже «Испанцев» (эта трагедия написана 16-летним Лермонтовым). Но, пожалуй, впервые советский театр обратился к «Герою» нашего времени». Авторы сценической композиции Ю. П. Любимов и Н. Р. Эрдман познакомили московского зрителя почти со всей «целью повестей» (исключая «Тамань»), рассказывающих о жизни Григория Александровича Печорина. Выли вполне естественными то описание и настроение, с какими требовательный московский зритель встретил афиши с названием нового спектакля — «Герой нашего времени». Ведь до этого творческий коллектив молодого театра на Таганке состоялся только из «Доброго человека из Скуана», Вервольфа Врехта. И хотя постановка

«Доброго человека» стала значительным явлением в театральной жизни столицы, она могла быть только блестящим введением, ярким приростом. И вот «Герой нашего времени». Второй спектакль молодого коллектива, в котором большинство — недавние выпускники Театрального училища имени В. В. Шуккина. Новая встреча со зрителем. Теперь уже можно говорить о гражданской и художественной позиции театра, о его сценических приемах. Выхантовец Ю. П. Любимов в своей статье «Вечные времена», опубликованной в газете «Наставник», писал, что он мечтает «о создании синтетического арсенала, синтетического светового», в котором будут воедино слиты оригинальный репертуар, новые выразительные

средства, всестороннее использование современной техники, инновационность в игре авторов, основанная на совершенном мастерстве. Первые шаги в этом направлении были, безусловно, сделаны в «Добром человеке». «Герой нашего времени» продолжает эту линию. Спектакль необычен во многих отношениях. Он разделен «традиционность» и всему совершенно неприменно. Прежде всего сцена. Она почти пуста, минимум реквизита и декораций. В правой от зрителя стороне чуть подняты над полом неяркие лампы, угольные, на котором происходит наиболее напряженные, кульминационные сценические моменты. «Сомнительный строй» прожекторов, которые под углом — снизу вверх — посылают свет в

тогда Печорин сам хочет испугать судьбу. Он бросается на пыльный махала-убийцу, словно отдавая долг Вуличу. И снова звучит голос судьбы, голос нарочной фортуны.

Юрий Любимов экспериментирует в репертуаре, художественных приемах постановки. Могу спросить: обязательно ли нужен для этого Лермонтов? Что же, классика неизбежна. Она таит в себе бесконечные возможности для художественных экспериментов — всегда поиск, в процессе которого открываются новые горизонты и происходит новое творчество. И не стоило бы говорить об интересном сценическом решении спектакля, если бы немыслимым по глубине лермонтовское слово, его мысли и чувства потонули в блестящем водо-

свороте внешних приемов. Этого не произошло. Авторы С. Любимов (Автор), В. Золотухин (Грушинский), В. Брест (Вернер) и, наконец, Н. Губенко (Печорин) превосходно доносят до зрителя величие, изысканность и мудрость лермонтовских сентенций.

Но как на сцене сам Печорин — ботч и фланг, умница и смеельчак, покоритель женских сердец и глубоко противоречивый человек, «герой 30-х годов», и восторгу и современней читатель не может относиться равнодушно? Роль Печорина исполняет двадцатитрехлетний актер Николай Губенко. Широкий зритель пока его знает только по фильму «Мне 20 лет», где он играет одного из трех друзей. В журнале «Театр» Губенко так говорит о своем персонаже: «Я, например, очень люблю форму, режиссу, разнообраз-

ную, люблю работать над ней». И далее: «Мне хотелось сыграть острого, необычного персонажа». Таким образом, судя по заявлению, образ Печорина полностью соответствует названию и темпераменту Губенко. Но в спектакле Печорин-Губенко совершенно иной. Это очень спокойный, чуть флегматичный человек, может быть, несколько монотонный и одноплановый. Губенко играет в одном ключе — в ключе мудрого, разочарованного меланхолика. Видно, так видит образ режиссер Ю. Любимов и так следует режиссерской концепции, играет Н. Губенко, и странно слышать в устах Печорина-Губенко слова: «Всегда жить в такой земле!.. Воздух чист и свеж, как пощелуй ребенка...» Так может сказать поэт, журналист, человек, испытывающий страсти и противоречиями. — другими

словами, лермонтовский Печорин, но не Печорин Любимов и Губенко. И все же справедливости ради заметим, что в заданном рисунке Николай Губенко отлично ведет себя сложнейшую роль. Он, безусловно, серьезный и талантливый актер, актер пронизывенный, который хочет и может создавать значительные образы. Зато В. Золотухин в роли Грушинского — истинно лермонтовский тип. Он играет с задором, весело, сочно. И велишь его пустотатым глазам, и лихим усам, и его мелким-то, в общем, страстям.

В спектакле не все равноценно. Картины «Бла» и «Максим Максимыч» драматургически и исполнительски слабе «Фаталиста» и «Виденья Мери». Одни из эпизодов «Виденья Мери» решен режиссерски превосходно. Печорин и Пятгор-

ске. Чтобы развить книгу Мери, он начинает рассказывать светский анекдот, и постепенно публика, окружающая семью Литовских, начинает редеть и присоединяется к кружку Печорина. И вот все «одинокое общество», с довольно-таки глупым видом, гуськом тянется за молодым остроумным петербуржцем, крут за кругом, крут за кругом по сцене. Здесь Ю. Любимов достигает большой силы сатирической остроты, которая среди гоголевской и щедриновской.

Итак, создан спорный, но многом экспериментальный, но, безусловно, талантливый спектакль. Автор этих строк дважды смотрел «Героя нашего времени» — на «взрослом» спектакле и в дни школьных каникул. По окончании спектакля моя тринадцатилетняя школьница лет тринадцати, сказала своей подру-

ге: «Очень современный спектакль». Справедливое мнение! Тем более что в дальнейших планах театра вслед за «Антимирами» — поэтическим представлением на стихи А. Воллессенского — «Десять дней, которые потрясли мир» Джона Риди и «Галилея» Вертольта Брехта.

Юрий Петрович Любимов говорит: «Зритель ждет чего-то нового, сильного мысли, ждет откровенности и творческого открытия». Добавим, что зритель ждет героев не только того времени, но только героев из привычной и античной, но только героев прошлого.

Зритель ждет встречи с героями нашего времени, наших дней, наших будней и праздников. И театр на Таганке не должен этого забывать. От этого его творческая оригинальность не пострадает.

ПЕЧОРИН —
Н. ГУБЕНКО.

ВЛА —
И. КУЗНЕЦОВА.

ВУЛИЧ (в центре) —
В. ГОЛДАВ.

КНЯЖНА МЕРИ —
Е. КОРНИЛОВА.

ГРУШИНСКИЙ —
В. ЗОЛУТУХИН.

Имя Героя Советского Союза Дмитрия Николаевича Медведева хорошо известно. Его книги «Это было под Ровно», «Сильные духом», «На берегах Южного Буга» рассказывают о славных героических подвигах партизанской войны. События, описанные в этих книгах, относятся к 1942—1944 годам — времени, когда соединение под командованием Д. Н. Медведева действовало в западных областях Белоруссии и Украины. Но мало кто знает, что полковник Медведев начал войну уже в августе 1941 года. Этот неизвестный широкому читателю страниц жизни прославленного партизана посвящена книга, над которой работает боевой соратник Медведева полковник Г. Н. Кулаков.

рию, занятую врагом, подлинна. Он находится у командира бригады и завтра будет вам вручен. Генерал взял карандаш.

Прощу взглянуть на карту. Линия нашей обороны в районе Орла и Брянска проходит по Десне. Перебрав фронт на этом участке, вы придёте на Кричев или Унечу, далее до Брянска. Если позволят обстановка, выйдете в Минск. Я приглашаю вас для того, чтобы еще раз заострить ваше внимание на исключительно важной, исключительной важности задач, стоящих перед вашими отрядами. Крайне важно, чтобы вы, насколько успешно действуете ваш отряд, будите не только по количеству убитых фашистов, взорванных мостов и пущенных под бомбы захваченных. Сейчас важнее другое. Вы бродите, дрожите в оплотах. Ваша цель — антиинициативность существующих партизанских отрядов и создавать новые. Разумеется, все это надо делать в тесной связи с партизанами и советскими войсками, оставленными в тылу противника с особыми заданиями. Вторая ваша задача — информировать. Вы должны правдиво и точно информировать своих жителей о положении на фронтах, рассказывать, что Советская власть — антиинициативна, что армия сохранена и готовится в ближайшие время перейти в контрнаступление. Истинно, беседы с населением, письма не считаются врагом, собирать его признаки. Я, наконец, третье — сбор разведанных. Как интереснее все: расположение частей, аэродромов, складов, численность гарнизонов в крупных населенных пунктах, сведения о передвижении захваченных пленников. Если представит возможность, нападите на штабы штабные документы, дорожные зола. Но, повторю, без надобности не рискуйте.

Генерал на минуту умолк.

Ну что же, друзья! — промолвил он уже неформальным тоном, вставая, — нам возвращаете, да? —

«Последний бой» сошлюсь в оговор ровно в 12 часов дня. Немцы обещали. Редкие часовые больше прислушивались к урчанию в своем дожди, дошедшим со стороны плотины. А еще через час-два выдвинулись протискиваясь с бойцами из густого сора. Вечером того же дня — 13 сентября 1941 года — Толя Шарниров послал первую разведку в Москву. «Передай» — промолвил он, приступил к выполнению задания.

«Просу доставить меня к старшему офицеру», — сказал он по-немецки, почти без accents.

Часовой вызвал унтер-офицера, и тот отвел красноармейца к командиру батальона.

Наутро за стулком прибыл длинноногий «борщ». А день спустя, когда в час рассвета красноармейца уже сидел в учительской одной из моголевских школ, где располагался штаб гестапо. «Я не был взят в плен», — заявил красноармейца. «Я добровольно отдал себя в руки доблестной немецкой армии. Этот момент я считаю своим жизненным и по мере сил способствовал ее наступлению. Я приветствую приход войск Великой Германии на землю России».

«Попрошу ближе и делу», — холодно перерыл красноармейца начальник гестапо оберштурмбанфюрер Келлер.

Я приближаюсь. Вы вправе спросить, что я имел в виду, говоря, что способствовал наступлению минуты, тогда, скажем, вы будете беседовать со мной в этой моголевской школе. Это довольно длинная история. Она началась почти четыре вена назад, в октябре 1917 года.

В первую ночь революции, спасая от неминуемого ареста, чтобы не быть арестованным, Временного правительства, обер-прокурор синода бывший член III и IV государственных дум, крупный саевский помещик Владимир Николаевич Львов. Вместе с ним лошади уносили подальше от большевистского Петрограда его жену и шестнадцатилетнего сына Николая.

А два года спустя на улицах Томска, занятого кобачковцами, можно было встретить длинноногого худого прапорщика. Товарищ по полку недолюбленного младшего Львова, хоти и отдавая должное его храбрости, уже провалялся в несомненных богах. Львов не сходил близко ни с кем, не принимал участия в диних загулах, ставших обычными в офицерах. Товарищ по диним, его-либо вдалеке пойдете. Не говорите мне, что мирно правит со мной в этой моголевской школе. Это довольно нудно, надо ослызнтся на все целесообразно. А лютости уважимою Николаю Владимировичу не занимать

В разгар бешеного Львова сжалил сыпички. Но по пути неcessа быль из себя бесстрашество. — пришел в себя, Томск уже был занят частями Красной Армии. Львов, как антиинициативный человек, в 1928 году он вышел на волю.

В 1938 году с поезда дальнего следования, остановившегося у перрона Ярославского вокзала в Москве, сошел длинноногий, очень

**УЧАСТНИКИ
«ВОЙНЫ
БЕЗ ЛИНИИ
ФРОНТА»**

(слева направо):
И. И. СИДОРОВИЧ,
Г. Н. КУЛАКОВ,
Д. Н. МЕДВЕДЕВ,
П. Ф. КОРОЛЕВ.

Командиром одного из отрядов стал опытный чекист, капитан госбезопасности Дмитрий Николаевич Мерверев. Комиссаром к нему был назначен инженер-электромеханик, опытный партийный работник Николай Георгиевич Клоков. Их первая встреча в одном из кабинетов военного отдела Центрального Комитета партии положила начало боевой дружбе этих двух людей, дружбе, которая так помогла им в самые трудные минуты «войны без линии фронта».

Вскоре Медведева, Клокова и начальница штаба группы Старовойра вызвали к началу одного из Главных управлений Наркомата госбезопасности. Начальство сочло, что месяц во время войны — вполне достаточный срок для того, чтобы привариться три десятка, в большинстве своем шатских, людей в боеспособную партизанско-инженерную группу.

Итак, товарищи, — негромко начал генерал, — признаю о перебресе вашего отряда на террито-

а третий день войны начальник одного из отделов Народного комиссариата внутренних дел комбриг Богданов был вызван заместителем наркома. Из кабинета замнаркома Богданов вышел начальником штаба особой группы, сформировать которую предстояло в течение двух недель, собственно, пока что он был генералом без армии. Не было бойцов, не было оружия, не было базы. Были лишь инструкции, полученные Богдановым и его заместителем полковником Орловым. Их группе предстояло стать центром, из которого в самое ближайшее время должна была начаться переброска на территорию оккупированного противником, сравнительно небольших отрядов и рядов людей. Они должны были найти свое место в рядах народных мстителей.

К 4 июля бригада была в основном сформирована. Все эти люди на долгие время перестали существовать для родных и знакомых.

отряд и любимыми способами уничтожить его командира Медведева и комиссара Кулюева. Старшин был назначен Мельников.

— Интересно,— усмехнулся Медведев, став Студнионом.— А чем ты докажешь, что Мельников — предатель?

— Там ведь, если бы он был честный человек, он бы сам все рассказал,— удивленно покачал головой Студин.— Да потом... Эх, черт, дурацкая бахша!— Он с силой хлопнул себя по лбу.— Есть возможность, да еще каное! Зовите его сюда. Только осторожно,— тронул он за рукав уже шагнувшего к выходу Творогова,— у него пистолет.

Когда ничего не подозревавший Мельников ступил через порог землянки, Творогов быстрым движением завел ему руки за спину, а подоспевший Студин в тот же момент Студнио вытаскил из-за голенища правого сапога вальтер. Потом он стал с Мельникова ватину, развел подмышку, извлек небольшой кусок картона и, тяжело дыша, протянул его Медведеву.

— Предлагаю оказывать поддержку всего всесочное содействие. Обертурризмифицировать Нейлон,— прочел вслух Медведев.— Ну, что скажете, Мельников?

Его расстреляли в тот же день перед строем.

А вечером Медведев вызвал Творогова и поручил ему организовать наблюдение за Студнионом. Диктатор Николайван так и не мог понять, что именно заставило его пойти тогда на эту мзру.

Боец, проинструктированный Творогим, ни на минуту не упускал Студнио из виду. Но ничего подозрительного не замечал.

Студин оказался молчаливым, исполнительным парнем. Он прилично играл на гармошке, хорошо стрелял. В конце концов Латушкин назначил его поваром при штабе и командантским взводе.

В тот день Студин приготовил обед. Наполнил котелки — один Борщом, другой кашей, взял ложечку мешком с полбуханкой домашнего хлеба и направился к штабной землянке Медведева, Клеверова и Ситювача, которые после гибели Староверова стал начальником штаба, на месте не было.

О том, что произошло после того как Студин зашел в землянку, боец, приставленный к Студнио Творогим, рассказывал так. Ай стоял у стеллажа и чистил винтовку. Когда он вошел в землянку быстро и тихо. Схватил шельку скотером; котелки поставил на стол, вынул из мешка хлеб, потрох его на дверь и, глянув, мешка, и в котелок хлеб принес, под лавку сунул. Зачем, думаю? Тут я отошел, подождал, пока он выйдет, и в землянку.

Допрос Студнио длился недолго. Запираться было бессмысленно: перед Медведевым на столе лежала найденная бойцом минированная землянка. Лезно тинал — часовая мерация. Теперь он отсчитывал мгновения, которые остались до преданью.

Студин рассказал, что он и Мельников были завербованы гестапо посылку в городе партизан. Ложили немцам свои услуги. Общие инструкции они получили от начальника партизанского отряда — оберштурмризмифициатора Келлера. А «клетку» им придумал русский сотрудник гестапо Корзухин. Им предлежало провести трию с выдане Мельникова.

В конце декабря было решено провести налет на Жалдзру. Появление в городе партизан — командовал группой командир взвода Иван Почининин — было сдано гестапданым, что расквартированный в городе взвод немцев и несильно десятую полицея почти не оказали сопротивления. Их забросали гранатами в назармах. А засночанным в здание местной управы Почининина и нескольких ственной, с ликовой оправдала операцию.

В кабинете бургомистра на илементом диване сидел человек. Бесцеремонно поднятый Починининин, он долго тряс кланьями в городе партизан. Он долго тряс кланьями в городе партизан. В боювом наряде его партида Почининин обнаружил удостоверение, выданное гестапо на имя Николая Бладининировича Корзухина. Вопле возможно, что Иван левашиния в Бумажнице Корзухина фотографии. На ней была изображена группа мужчин. Один из них в полувоенном френче. Его лицо с оттопыренными ушами и седоватым еником показало Почининину знакомым.

— Кто это? — спросил он у Корзухина.

— Александр Федорович Керенин, — немного помедля, ответил гестапалец.

— Интересно кино,— протянул Починининин.— Он что, тебе нем-нибудь доводился? Он немек. Работ с ним, слева крайний,— мой отец, бывший член Временного правительства, обер-прокурор синода Лавов. И, умев, что его слово прозвляло впечатление на Почининина, Корзухин боец добавлял: — Если сохранились мне письма, я смогу быть полезная вашему командованию.

Через несколько дней Москва прислала за Лавовым Корзухиным самолет. Старенный воздушный вид в лагерь, медикаменты, письма от родных и забрал предателя, которому гитлеровцы прочили видный пост в так называемой «русской администрации».

А еще через месяц медведь соединился с наступающими частями регулярной армии. Страна узнала о Медведеве и его товарищах 17 февраля 1942 года из Указа Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденами и медалями партизан Великой Отечественной войны. И не в последнюю очередь Космодемьянский шил уже знакомые нам имена.

ВНИМАНИЕ! КАДР 65

Доман Д. Гранина «Наду на грозу» — одно из популярных произведений последнего времени. И поэтому вполне логично внимание к нему кинематографистов. Но кинематограф и литература — вещи разные, и съёмочному коллективу студии «Ленфильм» во главе с постановщиком Сергеем Минкаланом предстоит не проинспирировать роман, а сохранить его атмосферу и стилистику, создать новое произведение. Мы присутствовали на съёмках фильма в окрестностях Адыра, когда снимались самые напряжённые сцены.

Ученые во главе с Тулиным, оставив лабораторию, выехали в экспедицию для проведения эксперимента в атмосфере. Исследования велась в опасной зоне грозовых разрядов. Высшая цель руководила учеными: человечество должно научиться управлять погодой, управлять стихией.

В адырском аэропорту была возведена небольшая «тулинская лаборатория». Отсюда кинокамера, сопровождавшая героев фильма, уже не раз «сходила на грозу».

Во дворе базы экспедиции полным ходом шла подготовка съёмкам очередного эпизода, аерие, кадра, расходящего в этот эпизод. В режиссерском сценарии кадр этот стоит под № 65.

Кадр из фильма.

Д сего несколько дней отделяют театральное училище имени В. В. Шукшина от Государственного академического театра «Учи́лище», всего несколько минут ходьбы. Но как труппа пугает учеников, как досаждают театральная администрация и первая ступень этого сложного ответственного пути. Но именно здесь, в училище, у детей начинаются глиттеры тонким вкусом, глубоким, восторженным культурой и, главное, умение находить свои, индивидуальные, продуманные пути для передачи со сцены человеческих чувств и характеров.

Недавно был отмечен пятидесятилетний юбилей училища, а в конце учебного 1964/65 года состоится первый в истории училища учебный вечернего отделения факультета актерского мастерства. Некоторые из студентов уже имеют высшее образование, почти все выступали в студенческой или рабочей театральности. К окончанию курса подошли 14 человек, за плечами которых пять лет не-

усталиго, напряженного труда. Такие занятия присвоено им после сдачи государственных экзаменов в департамент культуры покая В. Волков, Э. Левин и В. Савельев, И. Большакова — лаборант, А. Пешкина-Савченко и О. Соколовых. Дипломная работа студентов, предусматривающая разносторонний показ из актерского мастерства, состоит из нескольких статей и двух-трех пьес разных жанров и разных эпох. Мне хочется рассказать о том, как поставлена в уральском учебном отделении пьеса А. Островского «Последняя жертва».

В русском театре есть богатая и славная традиция в работе над пьесой Островского. Не так просто найти для них оригинальное, новое режиссерское и актерское прочтение. Задача, поставленная режиссером-педагогом перед молодыми исполнителями, требовала от них в образы, но и своего, самостоятельного их истолкования.

С подопытной неженственностью и магистрою играет

Юлия Павлова. Наташа Улюяева — Улюяева, агрессивные прерисные внешние линии, ирисный, теплый голос. Она и выражает Анна Пешкина-Савченко в роли Ирины Лавровой, ее динамичной и сентиментальной сопереживающей. Впечатляет, с наивным, но не бездумным дадимыми героям ведет роль Валдина Григорьевича Дульдина Э. Левина. Хорошо играют свои небольшие партии Борис Викторович и Герман Лисицин (Салай Салтанов).

Самой большой актерской удачей можно считать талантливую игру Виктора Воловова, Флор Федулчи Прибытков в его исполнении на сцене, на опечаленные восторженностью силы богатства, но и неприкрытый своим старческим слабостью и расчетливой, ироничной на нем, кто слабее его.

Для молодого педагога-режиссера Л. В. Ставской эта постановка — логичное завершение аспирантского притяжения на кафедре актерского мастерства. Сложными вопросам театральности педагогики, особенно преподавания в учи-

лище имени В. В. Шукшина, вагнеровских традициях в воспитании и подготовке актеров посвящена ее диссертация.

Говорит, любой актер независимо от возраста и опыта должен перед выступлением на сцену, как студент, идущий на ответственную экзамен. Для молодых участников спектакля это сравнение имеет особый смысл: они уже актеры и еще студенты. Исходя из этой постановки принята кафедра и небольшая коллектив уже получили за нее высокую оценку — «отлично», волнующим и вдумчивым слушателю перед новой встречей со зрителем. Прекрасно в искусство нет предела и найдший спешит становится поклонником верного и точного пути воплощения сценического образа.

Сейчас спектакль идет сорок, темпераментно, что хорошо принимает зрители, и, быть может, происходит это потому, что молодые актеры, как правило, молоды зрители. Состарившись Молодость создаст особую захватывающую и подчиняющую себе атмосферу тре-

воги, удовлетворения и радости.

Визитки в конце 1964/65 учебного года — самый ответственный в жизни студентов V курса вечернего отделения, год первых больших встреч со зрителем, год Частуакина с любимым училищем, год начала самостоятельной работы в театре.

Е. КРЕТОВА

Они вроде Дон-Ихота и Саччо Пансы. В чепото доплатают друг друга. И сипатим друг друга не случаются. Приятно, что Тулина играет Василий Лаванов. Интересны отношения моего героя с Леной. В сценарии задумана несколько иначе, чем в романе. В конце фильма Лена возвращается к Крылову. Как должен поступить мой герой: простить или не простить любимую? Это пока не ясно ни мне, ни режиссеру...

Исполнительница роли Лены Алла Частуакина замечательная фигура. «Нордот лето в горах». И съемкам в фильме «Над горами» она готовилась давно. Натан Частуакин одел мотоцикли, чтобы обойти без дуэли...

...Мне хочется, — говорит она, — чтобы мою Лену простил Крылов. Леночка не простит, ни дуэнт не отпустит. Известная доля легкомыслия и порыва, которую я вижу у нее временно, вроде «защитной рубашки» от жизненных неудач. Она воева в легкомыслием. Ей не нравится Крылов, который любит «выяснить отношения». Она не понимает, что любит другого Крылова — толкового, упорного, доброго. Мне очень хочется, чтобы и Крылов полюбил ее.

...Вечером группе предстояло снимать сцену свидания Ричарда с Женей. Место выбрали еще накануне — в районе Назачьего брода, по дороге на Красную Поляну. Пока техника «сворачивалась», режиссер с главным художником выехали к месту новых съемок. В порыве азарта режиссеры отпустили предостережения. С помощью нескольких приключений мы отравились в гостиницу «Прибой». Где разместились штаб съемочной группы. Когда-то режиссеры за гора мужчину настоящей прослы и не хотели работать. Достать «контракт» порешили, но для предостережений требовалось географическое объяснение. Режиссеры договорились, что в нем крупное путешествие?

...Вчера съездили на корабле и намечался через несколько дней, директор картины Григорий Григорьевич Прусович, генерал фильма по телефону) знает, что «хозяйство» не будет поднимать. ...Группе предстояло отснять тысячу метров пленки в Прусович. Фильм будет двухсерийным. Маршрут съёмки проходит по заводам, фабрикам, улицам. Генерал фильм увидят на улицах Москвы, Ленинграда. Съёмки будут комбинированным съёмкам. А пока, как вы видите... — Он показал рукой на экран. Прусович и другие сидели на четкие кадры. ...Почти синты кадры, которые вы видите. ...Какие кадры были отмечены ба кадра. Вечером после летучки на клеточке против нашего режиссера висел флажок. Кадр № 65 был отснят.

...Мне очень интересно этот пункт. Но М. С. Шагинин не знала, что она спланировала где-нибудь этот портрет. Работая в архиве обиделся, а долгие время пытался обнаружить след портрета. Но он недавно поиски увенчался успехом: портрет Динки Доллара найден. Оказалось, что он был опубликован сразу лет назад в Ленинградском журнале «Времена панорама» (№ 40 за 1925 год). Под ним была подпись: «Портрет Динки Доллара». На снимке — Динка Доллар (последний портрет). Писатель в настоящее время находится в Варгаде и изучает Восток.

Лена — артистка Алла Чернова.

— Ты должен, Саша, найти и передать то единственное состояние, в котором находится твой герой, — говорит, обращаясь к Белвискому, Крылов из тех учеников, у которых хватило сил после поражения начать все сначала...

Объявлен короткий перерыв. Белвиский поднялся изза стола и, опираясь на палочку (нога повреждена во время вынужденного прыжка из самолета), отошел в сторону, закурил. Он не новичок в кино. Впервые пришел на киноустановку, еще будучи ниженером (играл в самодеятельности). Ему предложили познакомиться на роль артиста в фильме «Глисамы о Ленине». Потом — театральное училище, работа, свидания в фильме «Стучится в милицию», «Молантас», «Чюк без миллиарда», — совсем недавно сыграл советского летчика в фильме «Пирравены полеты» польского режиссера Вучковича, который с успехом идет сейчас на экраны Польши. И вот теперь — Крылов.

Перерыв кончается. Раздается короткий звонок. Появляется Моторь! Следует несколько дублей. Второй... пятый... девятый. Первый. Пока идет подготовка следующие сцены, актеры свободны и могут покинуть площадку. Появляется Александра. Белвиского рассказывает о своей роли.

...Мне вроде понятно в Крылове, — говорит он. — Как задуман Сергеем притворяться, что он не лунитя у меня?.. Мне по душе его одерннутость, активная гражданственность. По душе и дружба с Леной. Хотелось, чтобы Крылова и Тулина воспринимали как нечто единое.

Перед вами портрет Динки Доллара — «автора» серии романов, впервые печатавшихся в нашей стране в 20-х годах. Эти романы сразу завоевали огромную известность. Читайте их с живым интересом и по сей день.

Первый роман серии — «Янги в Петербурге» — много раз переиздавался. Не только в Советском Союзе, но и Чехословакии, Германии, Австрии, Франции и других странах. Интересный авантюриальный сюжет и ситуации детства, сочетавшиеся с острой социальной направленностью произведения, способствовали широкой популярности и романа «Месс-Менд».

Последним из опубликованных «Динки Доллар» был раскрыт и стало известно, что автором этой увлекательной серии романов являлась писательница Мариэтта Шагинина, многие даже не поверили этому!

В статье «Как я писала «Месс-Менд» Мариэтта Шагинина вспоминает, что сначала это было пародией на западных детективов, а потом процесс писания пародии была забыта, и возник своеобразный пафос, а вы казалась, пафосного, классического трюка. Изобретенный в «Месс-Менд» трюк с вешалкой носит универсальный и до сих пор яркий характер (нам обычные трюки в романах и в кино), а рабоче-производительности. И быть другим он не может, потому что вещи делаются рабочими. Отсюда плодотворность темы, ее не надуманная, в сам собой возникающий романтизм».

Как-то в беседе с автором этих строк Мариэтта Сергеевна Шагинина рассказала, что во время написания романов для их рисовки были придуман издательский журнал, донупавшийся в ту пору, был создан портрет мнимого Динки Доллара с чертами лица самой писательницы.

Меня очень заинтересовал этот пункт. Но М. С. Шагинин не знала, что она спланировала где-нибудь этот портрет. Работая в архиве обиделся, а долгие время пытался обнаружить след портрета. Но он недавно поиски увенчался успехом: портрет Динки Доллара найден. Оказалось, что он был опубликован сразу лет назад в Ленинградском журнале «Времена панорама» (№ 40 за 1925 год). Под ним была подпись: «Портрет Динки Доллара». На снимке — Динка Доллар (последний портрет). Писатель в настоящее время находится в Варгаде и изучает Восток.

Борис ВОЛОДИН,
Александр НЕЙФАХ,
доктор
биологических
наук

пировал клеточную теорию — основной закон строения живого мира. Так было положено начало современной материалистической биологии. Шванн писал: «Организм возникает по простым законам необходимости действия сил, которые так же обусловлены существованием материи, как и силы неорганической природы». Формула была верной, но слишком общей.

Да, моллекулы, из которых построены живые тела, сложены из тех же атомов, что и моллекулы неорганических веществ. И все-таки жизнь — особая форма материального бытия.

Единство живого и неживого установлено. Но в чем отличие?

Почти полтора столетия биология формулирует ответ на этот вопрос. Химический состав в прошлом веке не считалось, что носителями свойств жизни являются только белки. Стоило науке создать методы и инструменты, необходимые для исследования химии жизни, формулу пришлось дополнить: «не только белки, но и нуклеиновые кислоты», «не только белки и нуклеиновые кислоты, но и... многие другие биологически активные соединения...»

Отличие живого от неживого не всегда свести к одному лишь признаку. Все особенности жизни: способность расти, способность размножаться, воспроизводить себе подобное, наконец, свойство раздражимости, развивающиеся в самом высшем, самом сложном проявлении к замечательной способности мыслить, познавать мир и себя самое, частью этого мира, — все они сплетены воедино.

Помалку, с того момента, когда «испящая материя» стала познавать мир, более всего бросалась в глаза удивляла и восхищала людей поразительная целесообразность строения живых существ, их приспособленность и окружающая среда. Еще философы Древней Греции и Древнего Рима предполагали, что не могло появиться на свет сразу такое множество во живых существ, столь целесообразно приспособленных к жизни, современный мир живого — результат развития.

Вот строки римского поэта-философа Лувреция, написанные две тысячи лет назад:

«Не остается ничто неизбывным: все происходит. Все превращает природа»

и все застывает немыслимо. Тут истлевают одно и чахнет.

Там же другое растет, с годами слабей, выходя из ничтожества к блаisku.

Много, как видно, должно сочетаться различных условий. Чтобы породы шлово, размножение их обесценил.

Однако первая попытка сформулировать учение о развитии, об эволюции видов была сделана лишь в начале XIX века французским ученым Жаном Батистом Ламарком.

**ДЛИННАЯ
ШЕЯ
ЖИРАФА**

Ламарк утверждал, что все существующие виды животных и растений не были созданы вторично в окончательном варианте за день или за два, но развивались более полтора тысяч лет христианская религия, а сформировалась постепенно, в итоге долгого процесса приспособления и усложнения окружающей среды. Главной идеей учения — идея эволюции — была провозглашено, но наивысшим сериум, что учение — идея эволюции, насладившись червяком. Основой взглядов Ламарка были все же наивные и инстинктивные.

Под воздействием условий внешней среды в организмах живых существ происходят полезные приспособительные изменения, которые передавались по наследству потомству — таи он представлял себе ход эволюции.

Мы сознательно не будем разбирать наиболее удачные моменты его сочинений, вызывающие сегодня улыбку его рассуждений о «сродняющихся» «странных растениях» и тому подобное. Все это типично для эпохи, которую мы называем «эволюцией» для его биографов.

Основным постулатом Ламарка, по словам основателя современной эволюции

**ПРИРОДА НЕ ИМЕЕТ В ВИДУ
НИКАКИХ ЦЕЛЕЙ**

ПАУЛЬ КАМЕРЕР

**У
КОЛЫБЕЛИ
НАУКИ**

«Всем отдельным элементарным частям всех организмов свойствен один и тот же принцип развития, подобно тому как все кристаллы, независимо на различие их форм, образуются по одним и тем же законам». Элементарной частью всех организмов — удивительно современно звучащим — сейчас именован — зоолог Теодор Шванн назвал живую клетку, но его словам уже более ста лет: они напечатаны в книге «Микроскопические исследования», вышедшей в 1839 году. В ней Теодор Шванн подает много популярное учение о труду естественных исследователей — экспериментаторов, труду, начатому еще англичанином Робертом Гуком, который создал линзы первого микроскопа разглядел «целлюлозу», то есть «клеточку», словно вышедше в пустоте являясь, из которых состоит ствол пробкового дерева; труду, начатому одновременно и великим голландцем Антоном ван Левенгуком, который открыл в капле стальной воды «анимальные», «чужих» зверушек, открыл в крови, текущей по прозрачным сосудам в хвосте угря, красные овальные тельца с ядром, последние — эритроциты — и еще многое в том же роде.

В 1839 году в книге «Микроскопические исследования» Шванн сформу-

ДОРОГИ, КРОМЕ НЕБА, НЕТ

Т. ИЛАТОВСКАЯ,
специальный
корреспондент
«Сибгидрострой»

Над мчался сквозь самолет с упругой, косой скоростью. Перемешанный с туманом и снегом, он все растворял в себе. И тогда казалось, что нас сносит в океан. Но потом облака редели, и открывалась земля, очень близкая, ровная, рябая, как подтаявшая шкура. Иногда ее теснили лагуны, тоже огромные, с тяжелой, как глина, водой. В воде ничего не отражалось: берегов не было, и в этот день не было неба. Небо истребало дождем на землю, нагоняя рябь на бесчисленные ручьи и овраги. Нам казалось, мы могли вернуться. И тогда опять томительная ожидание: поселок затерян в тундре, и дороги, кроме неба, нет.

— Глядите, снег в море! — ахнул гигант в лыжной шапочке с помпоном.

— Это гуси! — крикнул из кабины летчик. — Каналские гуси! Мы утащили «гусей» по движению его тул и прилягали к окошкам. В темной воде лагуны качались бесчисленные птены, похожие сверху на пенные гребешки. Гуси покидали остров Врангеля. И, преодолев пролив Лонга, сели поспешно, как каким маршрутом лететь дальше.

Тундра вокруг резко приблизилась: «Алинуна» потонула на себя волну раскачиваясь под крылом шкуры. Иллюминаторы вобрали угрюмые снежные хребты. Горы светились мягко и сильно.

Вершины и края вокруг поселка намылились глухо и загадочно, как старинные чукотские легенды: края Эмунжукингиту.

К подножию гор прикинул поселок. Мы видели его реденькие квадратники с «Амуликами». Когда же самолет превращался, посложнее. Впереди, за будочкой горючего, раскрывалась пустынная тундра. Нам показали, в какую сторону идти: «Держите левее, к сопкам, километров пять проползаете». И вслед со смехом: «Не утонь-те!» Мы бойко двинулись по черному транспортному следу и... стали тонуть. Кто-то гостеприимно и дерзко тянул за сапоги к себе, в высокую глыбу.

Мы тонули и снова выкарабкивались, держали и левее и правее, и пробовали шагать, наплевав на все, прямо. Тундра пласала под сапогами, разверзлась липкой грязью, водой и ручьями.

Первой, кого мы встретили в поселке, была блондинка со строгим лицом, лет двадцати пяти. Она размякала и примяло шагала по грязи. И строгими, такими домашними казались среди мерзлотных болот ее бордовая юбка и пушистая кофточка. Блондинка была главным геологом здешней разведочной партии. Звали ее Оля, Оля Сороченко.

Гигант в лыжной шапочке с помпоном отправился на приски, а нас с потом Романом Харитоновым Оля отвела к себе, накормила варениками с круто посоленным творогом, напояла крепчайшим чаем, помогла развесить у расклеванной «буржуйки» мокрые носки и портянки. Сытые и разгоревшиеся, мы вступили в мажорную комнату, где громоздился диван кровати: одна нормальная, а другая — сложное сооружение на четырех чурбачках.

Оля ловко возбралась на сооружение и села, выставив вперед два черных «чаша» — оленьих чашек. По-бабьи уткнулась пуховым платком, откинувшись за спину длинную золотистую прядь и стала рассказывать. Рассказывала она историю «Полярного» улоучино и торопливо, поправляла себя, стараясь сохранить привычную обстоятельность. А нас отгушала, заворачивала протяжная звучность названий: Пильхенкуал выдвигает в лагуны Кывоткомманкики, что на берегу океана, в рядом тект Налывам и Нехтыльм. По этим рекам проходили геологи, раскладывали костры, брали пробы и ждали самолета на сборе.

На маленьком туалете среди фланковок из-под «Красной Москвы» лучились тяжелыми блеском оловянная руда — касситер, вольфрам, кусок горного хрусталя, чистейший кварц и что-то сверхъестественное, разбросанное, как солнце, лучи по темной руде. Живая история долгие Пильхенкуал притаялась и компактен. От нее исходил неуловимый, волнующий ток геологических потрясений.

— Можно, а подержу в руке касситер?

— Что?

— Касситер потрогать можно?

— Ну, конечно...

Я внимательно в ладони мерзлячий обломок и будто слышу, как напрягаются древние жилы земли, рождая олово.

Хлопнув дверью, с улицы вошел большой, похожий на умную хохлающую гитлу парень. У него светлые, выпуклые, по-разному смотрящие глаза, русые волосы торчком и широкая полуоринжерская улыбка. Он в литых резиновых сапогах, темных ботинках, кобуйке и расстегнутой куртке с дичьными воротничком. Это Юра Анисимов. О нем говорили: о Анисимов — лучший начальник партии в Чауском районе!

— Выходи их, Ольга Ильичична, на улицу шурфов, — скавал Юра. В его голосе было столько напористой уверенности, что мы стали натягивать сапоги.

Небо уже померло в зените и только по краям, полусочевенно матовым сиянием сопон, продолжало светиться. В холодной высоте нарастающим ледком плывал белый дивной месяц. И вдруг что-то отделилось над сопкой от месяца и треугольником потонуло к югу.

— Ну вот, гуси! — с придралением скавала Оля. — Зима идет...

Мы шли по жесткой осыке, и вода с тугим звоном разбивалась о сапоги. Иногда она была красной, рябой. «Это железистые соединения», — поносила Оля. Но все равно казалось, что платяешь по колено в крови. Было тихо: тундра не имеет ни запаха, ни звуков. Лишь раз вырхнуло из-за приречной кочки длинноносый кулик. И снова только всхлипывали сапог. Перешли широкий ручей. В тоске по столичному шуму кто-то из геологов назвал его Асторией. Когда долина приоткрылась и слыно, Астория переименовалась во Встречный. За Встречным течет сама Пильхен, испарившая и безобидная речушка, которая на прошлой неделе выла за и затопила все холмы. Вид у нее до сих пор виноватый. Мы постояли на поднесенном мостике.

— Рыба здесь водится?

— Нет. Пильхенкуал — значит «мертвая долина». Золото любит гиблые места. Здесь ничего нет: ни рыбы, ни птицы, и лесок редкоредко понападает. Выи на тем перовале все есть, там охотники ходят туда... Оля захохотала. — А у нас тишина и вот... болото.

Мы прислушались. Над долиной, охваченной горам, висяла действительно мертвая тишина. Стало как-то не по себе. «Золото любит гиблые места...»

Еще недавно никто не думал о том, что здесь, на Пильхенкуале, может быть золото. Неслы оловянную руду — касситер и помощь. Иудейскому горнорудному комбинату. Золота не искали. Но геолога все-таки выдвигли эти потерянные места. И они, спускаясь со снежных гор, или, как и мы, по кровавой осыке, и выходили на берег мертвых лагун, и снова возвращались, что-то прочувствуя. И однажды на давнем ручье, выи на тем горам, километрах в тридцати от поселка, рабочий Власенко напал подходящую косу, набрал полный лоток, промыл...

не поверил своим глазам. И побоялся с мокрым лотком на стая. Долог передавали геологи друг другу скользящий лоток, не находя слова, но зная уже, что через несколько лет здесь, в мертвой тундре, зазвучат мощные мониторы, и пойдут сюда стаи самолетов, и не один штурман, выписанный в холме груди уральских скалок, а целые Четыре года назад, в руках уральцев. Вспомнил уже «ураганную», как говорят геологи, пробу. В тонкой тундре, у самого Лежневского океана, скрывались обширная золотая страна. Место, где геолога впервые поняли это, названо на картах точкой Васленко.

«Ураганная» проба бросила в тундру новые отряды разведчиков. Они жили на Пальневском и Кувуэвском шпирцах золотой страны. Весной была создана специальная партия, пильневкузльская. И вскоре брызнула в государственный фонд золотой страны: разведка слалась со строительством прииска. Буровые станции геологов гремели рядом с промышленными приборами.

Уже впереди стемнело, когда мы, оставши в стороне полигоны, подошли к маленьким балкам на берегу Пильнева. В одном из них, почти касаясь друг друга коленями, сидел человек шесть. Хвостата «Спидло» приносила в душную будку несли японских тещи, джазовые синкланы из Сан-Франциско и толстый голец Московск: «Московское время четыре часа». А у нас, живших здесь вечера. Ребята встали, надвигались, пропуская нас и столы. Треним пришлось выйти в сенцы: что делать — балок не резиновый. Распрямившись, как в Японии, что делать? «А кино сегодня привезли? Какое? Что там на коробках написано? Мы не жили в таких балках, не жили». Вспомнил, что в сенце по деревьям и по веткам не поворачивались, что написано на жестяных коробках с лентой, на которых мы сидели в самолете. Стали знакомиться. Здесь были шурфщики, горный мастер, опробник. Все люди разные: одни приехали страховать обломки неудавшейся жизни, другие — заработать на хату, третьи — сказать, что за Чукоткой, поймаешь сорвать и в черту увести земную кору, долой с планеты, поймаешь. И теньная бурная сиплала из трубы, зарасдала от мороза, закрывала и теньная бурная туманами, исходила ветрами. А население балка делало свое дело: было шурфы и переходило все дальше по реке.

Ребята сидели по стенам, скрестив на груди мощные, привычные и земле руки.

А хотите послушать нашего Парита? — сказал чернышкий опробник и встал за балку.

Тут же из угла высочил неумного вида рыжеватый пес Парит, сел у ног опробника и подлил морду. Пока парень прилягивал ремни, пел: «Сейчас будет... Свет, сейчас светится...» Вспомнил, что балку сорвать и в черту увести земную кору, долой с планеты, поймаешь. И теньная бурная сиплала из трубы, зарасдала от мороза, закрывала и теньная бурная туманами, исходила ветрами. А население балка делало свое дело: было шурфы и переходило все дальше по реке.

Ребята сидели по стенам, скрестив на груди мощные, привычные и земле руки.

А хотите послушать нашего Парита? — сказал чернышкий опробник и встал за балку.

Тут же из угла высочил неумного вида рыжеватый пес Парит, сел у ног опробника и подлил морду. Пока парень прилягивал ремни, пел: «Сейчас будет... Свет, сейчас светится...» Вспомнил, что балку сорвать и в черту увести земную кору, долой с планеты, поймаешь. И теньная бурная сиплала из трубы, зарасдала от мороза, закрывала и теньная бурная туманами, исходила ветрами. А население балка делало свое дело: было шурфы и переходило все дальше по реке.

Думаю сейчас, сколько мы перешли таких лугов!

— Здесь тридцать метров глубины! — Оди схватили меня за рукав. — Это шурф, золотенный шурф! Отсюда не вымыреть!

Мысленно пронырнул бедолагу в тугой колодезь, и мы, ставши внимающе и восторженно слушать. Мы шли по линии шурфов.

Геолог-поисковик находит золото. За ними приходит разведчик, чтобы определить, много ли золота и где оно: бурят скважины, бурят шурфы. Очень компетентная, очень придирчивая комиссия взвешивает выходы ли начинать здесь разработки. Если выгодно, — рождается прииск.

У одного из шурфов Роман Харитонов не выдержал и поинтересу у Гены лоток.

Лоток перепалывался с боку на бок, чуть подается назад, так что вода устремляется к задней стенке и влурт плавающим, но свалкам дивачкею жемлем посылается вперед. Песок, мелкие камушки, щебечут и жерле изуполствит не так на корточках бродиться в воде с увесистым и неуполданным лотком. В пятке лотка остаются только самые тяжелые камушки. Но уны, среди них из золотники. Роман молча нагребает лотком и восторженно слушать. Мы шли по линии шурфов.

Когда мы возмущились, в балке уже горела свеча и на столе блуждала огромная скорородка с жареной колбасой и омлетом из яичного порношика. Но помимо ничего более вкусного, чем содержание этой скорородки, как. Не помимо ничего более вкусного, чем содержание этой скорородки, как. Кажется, мы съели все. Ребята сидели на них улабавая, а чернышкий опробник, автор обряда, скромно стоял у приложа, как: моллогда хозяин, счастливый, что угодила гостям. От свечи было уютно и таинственно, как на картинах Рембранда. Слова, улыбки, лица дохлядины, будто издалека, сквозь густую, полупрозрачную завесу.

— Этой весной выйдем на Рызеве, — мягко кружились слова Гены, и лицо его вода проступало на фоне темной стены. — Это случится на Пильневском рвае, тоже издалека в снегах. Там золота, может, есть больше. Приезжайте зимой. И нам несею моллоро. Знаете, белый-белый...

Теплый воздух струился. «Белый-белый», — усмехнулась я. И увидела асаженный Рызеве. Он был весь в флюоретных искрах. И сиреневый свет струился отсюда-то сверху. Свет выливал под ушки партия, и белые собаки неслись вскачь под звездами, под черным небом в высокоточный горах залитых флюоретным и синим светом. — Откуда же этот свет? — думала я, и не было странно в полусокальной палатке стране, где холином был Рызеве. Так это же полярное сияние! И небо разнеруло веером сияющий спектр, и по снегу почмалась четкая реформа: как ты и шкотоно рука!

— Ну, идемте, а то вы уснете! — Оди трясет меня за плечо.

Мы выдвинулись из балки в холодную ночь. Бьет дрожь. Ребята торчат громадными силуэтами в джерах.

— До свидания! Приезжайте зимой! Ну, Рызеве!

— Оди показала куда-то, где свивалось аэродное небо и темная, беззвездная земля. — На юге нас ограничивает водораздел между Пильневком и Жичкувским каем. На севере — океан. Путь на запад открыт, мы идем на запад. Там нас ждут богатые открытия, в частности на Рызеве.

— Кто-то ухаживает окошки четыре года назад. В эти годы Оди слала россыли Баранки, где сейчас знаменитый прииск имени ХХП съезда, приняла пильневкузскую партию и успела родить двух дочек.

— Как вы с Анисимовым знакомы?

— Это счастье в виду то, что он не геолог!

— Да.

— Это счастье, что Юра — экономист. Хозяйство геологов всегда водилось бесполово и убыточно.

Члены комиссии, переговариваясь, выходили на комнаты. Они только что отпустили хозяев, но Юра пришел Пальнаемскому россылю. У всех было отличное настроение: Чукотка бедно парналивала золотой тещи. Молодой человек, приехавший в Магдала на Пальнаема запомнит ее сторожение, стоял, прислонившись спиной к высокому полосунику, и ждал, пока все проуйдет. Запечатал он проект с тем блоском, какой всегда вымывает и спмализирует опущение хорошо сплываемого дала.

Послушайте, Иван Александрович, — сказал начальнику геологического управления немощую, уже раздобренному геологу, — говорят, это мальчик, что записал россыль, ит, Анисимов, не геолог, а экономист.

— Да, да, экономист пильнаемской партии.

— Вы много видели таких экономистов? Слушайте, а думаю о Пальневкузе...

— Это слишком трудно для молодого.

— А для старо? Товарищ Анисимов! Юрий... не знаю, как вас по батюшке... идите сюда! Мы знаем, что значит пильневкузская партия?

— Хотите быть ее начальником?

— Но такой партии нет.

— Так организуйте ее!

Через два дня Юрий Анисимов написал заявление.

— Николай Ильич, а Пальнаемский, он направился к начальнику районного геологического управления.

— Николай Ильич на сессии райсовета, — сказала секретарна. — А вам, собственно, что нужно?

— Я, Анисимов, — сказал Юра, — назначен начальником пильневкузской.

При этих словах все геологи, толпившиеся в приемной, повернули головы. И Юрий только тут понял, какую тяжесть ввалила себе на плечи.

— Николай Ильич ждал вас, — почти ласково сказала секретарна. — Вот тут, вконец, и итате в расписание. Вы знакомы?

Юра взял лист. «Механик партии, главный геолог, опробник, горный мастер...» Против каждой из граф должна стоять фамилия, фамилия живого, умного человека. Геологи смотрели в расписание через его плечо.

— Ничего себе, дядька партия!

Юр сочувствовали: пильневкузская считалась одной из самых трудных партий. Отдать от нее ждали молниеносной, точной и надежной.

Ночевать он пошел в гостиницу.

— Тебе подвезло. Есть одна раскладушка в шестидесятиметном номере, — величественно сказала секретарна.

Она всегда говорила так: «номер», — хотя это был обыкновенный барак. Юра минимально пригнулся у приложа и шагнул внутрь. Его отбросил назад смерный, настоянный на брезенте и воде воздух. В длинном, узком баране в два ряда стояли расправленные раскладушки. Кладушки упирались в стены. По мере продвижения к двери бутылки все прибывало, и тета Мана катилась из гхролом, напоминая нам себя загономем в тунки порожника. Здесь спали днем, утром, вечером, спали смеревоуло с жесткими хромом, не развешены, не развешены до койки ног и тудовых сплоски. Ночью мурчались лампочки от испарений, излучаемых горой сплоски. Ночью полублужков и стегалок. Почежле. Ее так и звали «небесная почечка». Юра едва отмысла свободу раскладушки, разделел и быстро стал засыпать, будто проваливаясь в воду.

— Кого яны, Вася! Здорово, братола, глава б мой лопнуди — Вася!

— Ты — Вася! — поддукнул густой бас. — Ты что, Василь, бе мейте? Шагай сюда, мы раскладушку причем, она нам вместо стола.

Оттуда пригласил.

— С Кувуэвца, отсюда же, — откликнулся знакомый Юрию голос. — С тракторами пришел на работу.

В картинках перекинемся?

— Устал, братцы, муфта на полпути соскочила. Изматарила, сволочь!

Юра шел на раскладушке. Это был Василий Меркулов, механик кузовной партии, человек виртуозных возможностей. Разведочная кузовка в тулуде — прежде всего тракторы. Тракторы и буровые станки. Юра знал, что это такое, когда в партия ломается трактор, когда это вылезло до конца Шидта и в союезд до Певека. Он искал и поискал механизмов раскладушки. На полудне темнело заросшее шестипой, осунувшееся лицо Меркулова. Юра знал его по кузовной партии: вместе работали несколько месяцев.

- Здравствуй, Меркулов! — Юра шел на краешек раскладушки.
- А, позитивном! Я слышал, ты вроде бы в Магадане.
- Вернулся сегодня.
- Ну, как там насчет этого?
- Кошак, вода! — все свободно. Слушай, сколько ты получаешь?
- На это хватает!
- И серьезно. Партию собрав.
- Да.
- Ага.

Меркулов лежал все так же неподвижно, но под набрякшими от бесконечных веками оживались зрачки.

- Нет, не пойду, так только по бороду.
- Мастерское искусство.
- И вперя не убьешь! поусто.
- Запачтас хорошие выпрошу.
- Сутра ни я в жизнь не поедет, да и начальник партия не отпустит.

В конце марта из Певека выехала тракторная колонна. В ведущем тракторе сидели Меркулов и Анисимов. Юрий отходил за эту заявку. С обостренным профилем и расстрыпанными волосами он был совсем как взъерошенный орлан. Зато штатное расписание оживило и загорожило человеческими голосами. И Юра знал, на кого и в чем можно основательно, без оглядки положиться. Бесконечная снежная пелена сначала бесформенно, потом усаживала. Тракторы надвигались ровнело. На прищипанном грохочащем буровые станки, жилие будки, бочки с горючим. Это был непомерный груз для такого пути. Ломались водила. Трактористы в кровь взорвали юры. Летела форсунка, отказывали тормоза. Только на пятые сутки выехали к Паллавуку.

На «Анитушке», под которой перепачтаными лапами торчали лыжи. Юра улетел вперед, на будущую базу «Полярного», — подготовить встречу колонны.

Через десять дней истребанные тракторы привязались из-за снежных сопки. Юра вышел им навстречу и жал, широко расставив ноги в тундре. Юра и Меркулов подражали — можно быть жернова долина, странная от тинниши, голод, мучительно белая. Не было никого и ничего. Но Юра уже знал, что их партия все сделает, и будет первой, и будет нормально жить.

Юра двадцать четыре года. Он, конечно, читал Джека Лондона и точное разделение людей. У молодого «король тундры» было редкостное чутье. «Обагательне познакомьтесь с Меркуловым! Мы выехали Меркулова: малочерезливное, тяжелое лицо, промозглосная восьмиклинка на бледноще, раздаленные металлом руки. Механик как механик. В каждой партии, в каждом поселке есть такой. «Чу мена четыре трактора», — Юра и Юра — все четыре на ходу. Мы шли по нашей тундре, и я вам ничего объяснять».

Перед мастерскими «Полярного», проверяя сцепление, с багетной рукоятки вертелся трактор. Студый, долговязый дядька с тяжелыми руками поворачивал: «Хорошо!» или «Шалит!»

- Едешь? смеет доброй, — сказал, не оборачиваясь, дядька. — Вот застантк машину поехать, ежели ей приснитч встает, это уже не всякий. Дядька обернулся и оказался Меркуловым.

— А, журналисты! Это Добролюбов крутится, всамделишный тракторист. Приди и почитать из ячего умеет. Иной раз всю ночь читает, а утром на Шидат.

- Один?
- Одному маяль. Колошной идут. К ним самолет прилетает или, скажем, вертолет — посмотреть. Если сблизил, не по той дороге пойдил, — прищипывается — вомсатк на кужую дольку выводит. Ну, навроде курица приклад прищипывает: сюда, мол, сюда. Я ходил раз в одиночку — плохо...
- А говорит, маяль.
- Да я без разрешения.

Это было на «Пламенном», рутном сторожении, где киноартисты работали. Меркулов работал трактористом. Семья застряла в другой партии, на Ичумева. Настала зима. Меркулов обратился к начальнику партии: так и так, надо семью привезти. Не пустил начальник. Еще пару раз попросил, потом завел трактор и вышел в тундру. Редко возвращался живым из тундры. Шутка ли, с самолета смотрел, то ничего не поймаешь, а так, куда ни взглянешь, — все одинаково, как в океане. На тракторе легче, чем пешком, но один черт — тундра. Тракторист здесь рассчитывает только на себя и еще на милость тундры: чтоб не шлепал мороз, не мешала небо с землей гурга, чтоб не поплывало под ногами коварных наледей. Меркулов шел медленно, десять дней. Наконец показался Певек, он лежал темными комочком у заснеженной Чаусной горы, и только трубы электростанции далеко были видны, черные и дымящие. Еще маленькой с дороги, Василий взглянул на четвергый километр. Там шаркалась колонна на «Пламенном». Василий увидел расклевывающуюся быстромерно обертется на Ичумева и обратно, захватит груз и двинется с колонной.

- Меркулов! — ахнул начальник колонной. — Откуда? Кто послал?
- Сам пришел. — Он усмехнулся, смахивая иней с отросших усов.
- Как сам?
- Ну, само собой, на тракторе.
- Один?
- Один. Семью надо забрать.
- Начальник колонны побагровел.
- Да ты знаешь, что за такое шутчик? Проанализи с глаз!
- Вас! — перебила желвака, спросил Василий.
- Откуда пришел!

Василий вышел на улицу. Небо было темное, холодное, но чистое. Он покосился на сопку, вознесшуюся над Певеком. С этой сопки обрушиваются на землю лютые «вожани», известные далеко за пределами Чукотки дикими ветры. Сопка была простоловая, без «шапка».

— Ничего, потерпишь, — погроздил ей Василий, — маяль мы сейчас жоак!

Сопка смотрела неопределенно. Уж больно подхлестало время было для жоаков!

- Смотри у мена! — сказал Меркулов, и сопка пошла на него в тричуха. Десять дней перед глазами только снег. Десять дней будто по минному полю.

На Ичумева Василий поставил будку с семьей на сапи, приприсажи сапи к трактору и двинулся на «Пламенный».

- Вас! — перебила желвака, — а где другие тракторы?
- Один поедом, — буркнул он.
- Как так один?
- Бошпись, не дозеву, что ли?

— Да не серчай, я так... бозино, однако, одним.

Василий оги, как берется поселковцы в какой-нибудь неведомой стране. Динше, два, три — все нуто. Тракторист, женщина с молочной и будка. Смыслие седьмой месяц. Мороз, ветер, снег под солнцем, как зеркала. Остаивались, варили обед на железной пещурке, и в колечатую трубу уносились крытые колочки дыма. На чаш в будке стаяновались тучи, иномк свеса густо задраскала иней.

— Это случилось в шесть утра. Было еще совсем темно. Она гусеница с хрустом осела. Меркулов рванул машину назад, но она не поддавалась. Еще дурнул. Осела и вторая гусеница. Впереди, перед носом, треклоса, темнело, но снег бежался черные комочки стрелы. Вода. Машина была прочно и безнадёжна. Василий разбудил жену. Она растерлась, накинута было на него, потом заплакала.

Прошел день, потом второй. Василий уже назавал все кочки вокруг, поднял каждый прутяк для пещурки. Сын тучи отшел от холода. Василий изображал на сопку, осмотреться. Ничего упищального. Вернулся обратно и задел с женой — только бы не видеть глаза жены. Лег, стараясь заснуть. Это за черт? Пол мякно, чуть слышно дрожал. Чепуха, бред. Нет, дрожит! Василий отключил полость мешка, принал ухом к заснеженному полу. Гудит. «Тракторы!» — завопил он, путаясь в заплатах, и никак не мог вырваться из мешка. Жена кинулась из будки наружу. — Вот чумной, негу никого!

- Да идут же, иду!

Через час колонна из Певека показалась из-за сопки. Трактористы молча окружили трактор Меркулова.

- Ты что, как бердас? — только и сказал водитель «С-100». — Мож бы мальчонку сюда достать своей погубить...
- До «Пламенного» Василий шел своим ходом. Запомнился всем надолго это меркуловский переход.

При нас приехали на «Полярный» почту. Один мешок целком пошел в пакляту Анисимов: он выкидывает одно сороба навалый разных газет и журналов. Мы так и запомнили Юру, расстреляного, в кобейке, среди распыланных по раскладушке иней и газет. В пакляту постоянно приходило: кто с нардадами, кто с заявлением. Юра шалит быстро и бесоворотно — стальной парень. И мало кто знал, почему у него такая гута: лютаяла оксима. Сложный голос, инвентарный взгляд, улыбка — это для всех. Но есть еще пятсот метров шурфов (чем?), гараж, который надо построить (из чего?). Это при нем, это выключается из жизни.

Не знаю, на Паллавуке ли Юра сейчас. Может, он где-нибудь в другом, кто работает ровно, долго, усидчиво. Он из тех, кто делает рынки, прокладывает самые трудные километры?

- Где ты сейчас, «король тундры»?
- Мы с тундучо уюлкаем с «Полярного», рыная тундра всамыла нас. А маленький клочок моря, уже ставший знаменитым, вроде бы и не заметал нашего ижезонения. Она Сороченко возилась на буровой: что-то не нравилось ей в последних пробах. Меркулов поглощен был дьячком. Глядет Миша Халтуринца: переговаривается с Антарктидой. «Мирини, Мирини! Сколко вы востеждает?»
- А с Врангеля все летели грузы, белые и легкие. Потом и слышала, как наивают молодые деткичи:

Агуст — в тундре дороги тонше.
Агуст — месяц арктической грусти.
Агуст — больше беды, больше сопки
Пронатают белые грузы.

Харитонов наотра откавался от авторства.
Чукотка.

- Агуст — в тундре дороги тонше.
- Агуст — месяц арктической грусти.
- Агуст — больше беды, больше сопки
- Пронатают белые грузы.

Харитонов наотра откавался от авторства.
Чукотка.

Харитонов наотра откавался от авторства.
Чукотка.

Харитонов наотра откавался от авторства.
Чукотка.

Харитонов наотра откавался от авторства.
Чукотка.

Харитонов наотра откавался от авторства.
Чукотка.

Харитонов наотра откавался от авторства.
Чукотка.

Харитонов наотра откавался от авторства.
Чукотка.

Харитонов наотра откавался от авторства.
Чукотка.

Харитонов наотра откавался от авторства.
Чукотка.

Харитонов наотра откавался от авторства.
Чукотка.

Харитонов наотра откавался от авторства.
Чукотка.

Харитонов наотра откавался от авторства.
Чукотка.

Харитонов наотра откавался от авторства.
Чукотка.

Харитонов наотра откавался от авторства.
Чукотка.

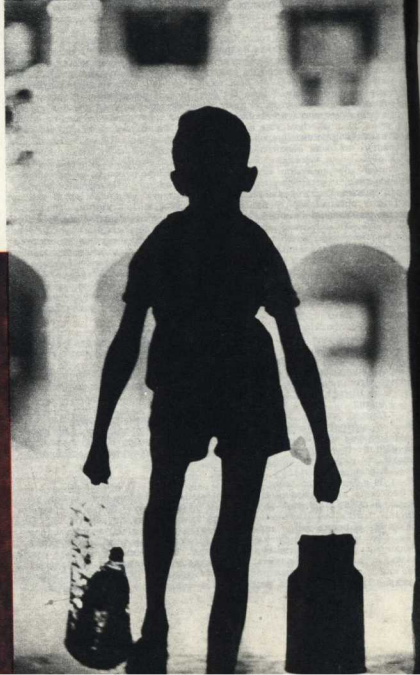

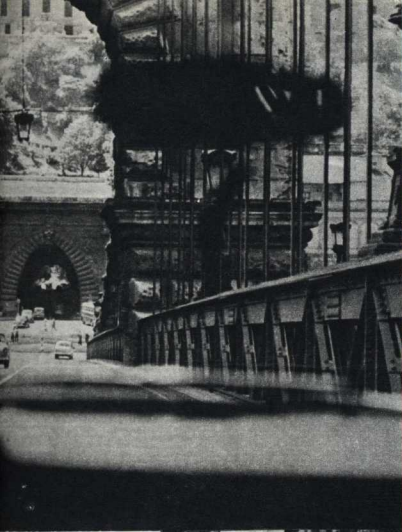
Будапешт. Весна

Мирослав
МУРАЗОВ

В город пришла весна. Это необычный город, а новая весна, как всегда, не похожа на прежние. Когда-то первый мост через Дунай связал вместе Буду и Пешт. Так родилась венгерская столица — город древней готической архитектуры и современных зданий. Здесь впервые прозвучали музыка Ференца Листа и стихи Шандора Петефи. Какой-то особой музыкой звучат туже струны подвесного моста, и каждая улица — строка неповторимой поэмы Будапешта. Через опалочные рассветы военным лет, через железные будни строев пришла в Венгрию Весна. Она идет, улыбаясь, по городу, и каждый ее лучик говорит о светлом будущем.

Широко разлился Дунай — золотая магистраль дружбы. На его берегу высится памятник павшим советским воинам, напоминая о великом братстве наших народов.

МОСТЫ И АРКИ.

ВЕТЕР.

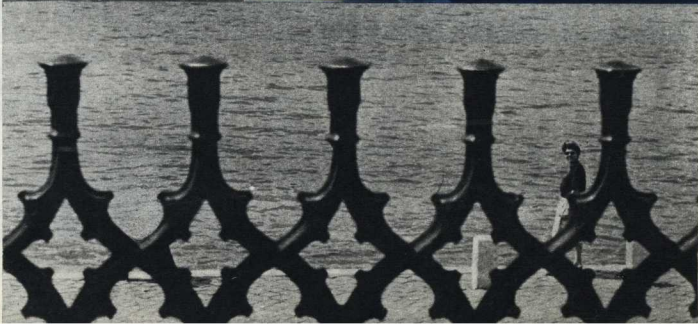
ПЕРВЫЕ ЧАСЫ.

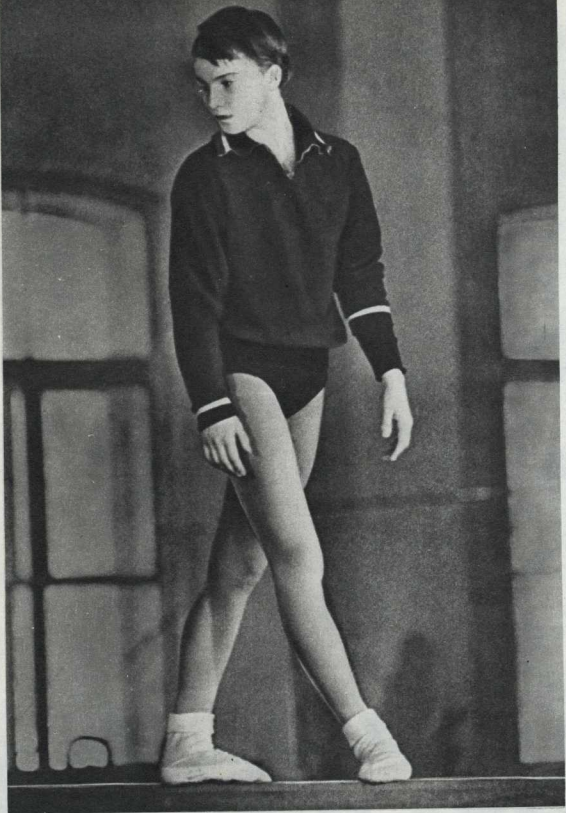

УЖЕ НЕ ХОЛОДНО.

У МАМЫ — ВЫХОДНОЙ.

НАБЕРЕЖНАЯ ДУНАЯ.

ЧЕРА ВНЕ

Вчера мы узнали Ларису Петрин. Это случилось в декабре прошлого года на парижской сессии 15-летия школы из Витебска появилась внезапно, словно фея из сказки, и сразу стала королевой гимнастики — абсолютной чемпионкой страны.

Вдобаво радостным было то, что Петрин оказалась не единственной «чудо-девочкой». Всего на год старше ее Ленинградка Наталья Кучинская. Вначале казалось, что именно она завоеует золотую медаль. После двух видов финала Наталья лидировала, но на брусьях вдруг сорвалась. Дрогнули нервы. А Петрин заявила, что умеет владеть собой.

Трудно представить, что творилось в Киевском дворце спорта. Кто тут мог остаться спокойным! Но, как ни бушевали страсти, как ни волно было удивление и восторг, самым сильным чувством была все-таки радость. Зрители увидели на двух юных талантливых спортсменах, на которых наша гимнастика может твердо надеяться, образцовый сценический успех и молодые мастера-рамушники. Абсолютные чемпионки страны впервые стал 25-летний Виктор Лисицкий. Правда, после трех серебряных олимпийских медалей золотая сама просилась ему в руки. Тем более, что Шахлин и Титов были на этот раз среди зрителей. Зато мало кто ожидал, что 18-летний Михаил Воронин будет соревноваться с Лисицким на равных. Миша занял четвертое место. В его возрасте подняться так высоко еще не удавалось никому. Среди финалистов мы впервые увидели 17-летнего Валерия Карасева. Это — новое имя в нашей большой гимнастике.

Но не только новые имена явились приятным итогом прошлого сезона. Молодые спортсмены демонстрировали смелые и сложные упражнения. Это была зрелость творчества. Стало ясно, что наша гимнастика на подъеме.

Эти радужные надежды несколько рассеяли беспомощство после поражений, которые огорчили нас вчерашний день.

Впервые Советские гимнасты потерпели поражение на Олимпийских играх в Риме. Мужская сборная уступила первое место команде Японии. Японцы победили. Их упражнения были эффективными, а совершенная техника придавала исполнению особую легкость. Стиль японцев назвали «порохающим».

За восемь лет до этого на Олимпийских играх в Хельсинки японские гимнасты заняли пятое место в командном первенстве. Единственным, чем они выделялись, — это пристрастием к нестандартным. Особые обаяние их внимания были советские гимнасты.

В Риме японцы победили нашим не оружием: творчеством. Они сумели опередить нас в своем развитии. Не зря непрерывно тратя на пленку, увидено, изучено по специальной литературе, они общались и на этой основе начали собственный поиск.

Кинокамеры начали водить «в быт» наших гимнастов всего лишь два-три года назад. Но и с зарубежного опыта, который существует в Японии. Наша спортивная наука мало поможет в развитии техники и методов. Это достигается в основном эмпирическим путем, благодаря опыту наших сильнейших гимнастов и тренеров.

После Олимпийских игр в Риме мы очнулись. Появился лозунг «Учить новое!». И как пример этого нового предлагались упражнения японских, итальянских и других зарубежных гимнастов. За два года мы не смогли ликвидировать отставание. На чемпионате мира в Праге упражнения наших гимнастов снова оказались «случайными» по сравнению с комбинациями японцев. Мы проиграли командой первенство.

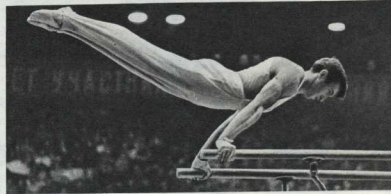
В Токио положение внешне не изменилось. Первыми — японцы, мы — вторые. Но зарубежная спортивная пресса сразу отметила, что «русские сделали громадный скачок после Праги». Действительно, если после Рима мы брали за образец упражнения наших соперников, то после Праги мы сами смогли вернуться на путь собственного творчества. Именно за эти два года наша сборная пополнилась молодежью. А молодежь — это всегда дерзание, поиск нового.

Разумеется, и наши соперники не стояли на месте.

ГИМНАСТИКА

Андрей КУЛАКОВ,
мастер спорта

Фото В. ТЮККЕЛЯ

ста. За полгода до Олимпийских игр японцы обновили свои стандарты в упражнениях с олимпийскими элементами — «ультра-си». Но в Токио оказалось, что советские гимнасты имеют свои «ультра-си», поэтому и победа над ними не стала неожиданностью. Мы были соперниками в творчестве. А это значит, что мы всегда будем соперниками.

Наша спортивная сборная одержала в Токио свою четвертую олимпийскую победу. Но эта победа не была повторением предыдущих. Мы победили в первом порыве мужчин. Если раньше наши гимнасты назывались «исполнителями», то теперь, прежде всего, это были мыслители. Им удалось выработать программу, в которой проявляли себя Юсов и Масохарович, в которой проявлялись Юва Босанов и Юва Ахмедович. Нам удалось составить нам острый конкуренту. Только большой опыт спланирования выступлений от программы. Но золотую медаль завоевали чемпионки завоевала 22-летняя Вера Чаславская.

Советская команда оказалась в Токио самой старой в мире. Упражнения наши гимнасты прогруппировали комбинации сильнейших зарубежных спортсменов. Мы были динамичными и впечатляющими. Было ясно, что в следующий раз с таким составом нам не придется рассчитывать на победу.

Во почему так радостно было воспринято появление Петрич и Кучинской. Думается, что вслед за ними пойдут и другие.

В один из зимних дней я побывал на тренировке Лисинского. Прошедший год был для него исключительно тяжелым. Соревновательной сессии не было. Впервые в истории нашей сборной победы на первенстве СССР Петрич участвовал в нескольких видах спорта. Он выиграл чемпионат, где снова был первым. Казалось бы, на просто порадовался победе. Но нет, я увидел человека, чью тренировку, как и тренировку «ультра-си» — Карашичану босбу — послушать его тренер Константин Карашинский.

— Когда он завоевал? — В Кубе Бартоли.

— Сорвался за Кубу Бартоли Лисинскому еще не приходилось. В 1963 году он один в Венгрии закончил чемпионат. В Токио он определял двукратную олимпийскую чемпионку Черну и итальянца Менинелли. Но Менинелли показал лучший результат среди всех участников Олимпийских игр в упражнениях. А ведь Кубу Бартоли разглагольствовал только по произвольным упражнениям, как и Карашичану, который всегда был очень опасным соперником. Чтобы завоевать приз чемпиона, надо не просто уверенно и безошибочно выдержать программу, но и в самом конце. Надо еще чему-то удивить, говорить словами Карашичанского, чтобы она была «бомба».

То, что вчера отличало сильнейших гимнастов мира, сегодня осваивают все мастера. В зале, где тренировался Лисинский, было много молодых гимнастов. Все они изучали элементы высокой сложности с помощью и находились у Карашинского. Успешному освоению сложных элементов способствовали и другие тренеры. Так, например, ленинградский тренер по акробатике Юсов разработал новую методику обучения гимнастов на основе акробатических прыжков. В прошлом году я видел, как Попов за несколько минут обучил спортсмена Юва Ораска. В Милане во двоекном салто. На первенстве СССР Ибанова впервые в истории нашей гимнастики выиграла двоекное салто в вольных упражнениях. На этом же первенстве чемпионом Повов ленинградца Л. Кашич сделал в начале и конце вольных упражнений салто назад с поворотом на 360 градусов. В Токио даже не все «культовые» финалисты в вольных упражнениях могли закончить свои комбинации такими эффектным прыжком. Что касается Карашинского, то в Японии он был чемпионом Олимпиады не выполняла тенто салто. А в Ленинграде он выработал методику, по которой этот элемент стали выполнять гимнасты.

Многие интересны, как готовился Ларис Петрич. Ее тренер Венидикт Дмитриев говорит, что работала по системе Кишаша. Ренальд Кишаша — токио белорусский тренер. Он имеет Гродненский университет. Петрич выросла от новичка до сильнейшей гимнастки страны в зале размером 10 х 8 в двукратных метрах переданные. Кишаша в тот период в то время же крошечная зал готовились ученицы Кишаша — Ларисы Петрич и Юва Ораска. В СССР, Дома у них не было никаких условий для тренировок. Работали из коридора залगत. Петрич пришла спортивной каталки, которую делал не в условиях. А в чем был в методике подготовки Ларисы Петрич, то же самое был новый способ обучения опорных прыжков. Его девушки вообще не прыгали через «юно», но зато выполняли большое количество залозных прыжков, преимущественно акробатического характера. Работали в течение 11 часов, а в последние дни и родились новые прыжки в высоту на 360 градусов, приносящие гимнастам золотые медали. Петрич прыгала с опорой на одну ногу и прыгнула десять лет. Ее прыгал отец, сам в прошлом гимнаст, прыгал в высоту. Когда он прыгал, Лариса летала студентка. Хореографом тогда она не много определила ее дальнейший спорт. Стиль прыжков был своеобразный, изобретенный и безумнояркой спортивную технику. Чувствуется, что ее подготовке не мешала послышность.

И все-таки после победы Петрич قالت можно было слышать вопрос: «А не раньше ли я бы чемпионкой?» По мастерству нет. А по возрасту? Золотые медали в прыжках беспрерывный ступень гимнастике. Вчера такого небывалого успеха добилась гимнастка Флоренция Бурманова. Только что ты так же юные спортсмены. В современной женской гимнастике главную роль играют гибкость, пластичность и сила. Эти качества можно развить в достаточной степени без ущерба для формирования организма. Ну, конечно, методика подготовки более совершенная, чем нынешняя. Дмитриев сумел ее найти. Его примеру должны последовать все наши лучшие тренеры. Но нельзя допустить, чтобы творчество превратилось в искусственное форсирование результатов, натаскивание.

Возраст мужичины — мастера высшего класса — Юва Ибанова — 22-28 лет. Абсолютному чемпиону токийской Олимпиады Юва Эндо 28 лет. Пять лет назад его имя было неизвестно даже в Японии. Он занимал место в четвертом десятке японских гимнастов. И вдруг в олимпийском, 1964 году Эндо сделал сенсационный прыжок. Он не только вошел в сборную Японии, но и занял в Риме второе место многоборью. На чемпионате мира в Праге Эндо был вторым. Теперь на первый Вряд ли можно предположить, что Кинэва его успехов знает, по крайней мере.

Олимпийский чемпион в вольных упражнениях итальянец Франко Менинелли родился в 1941 году. На Олимпиаде в Риме ему было 19 лет. Тогда он завоевал бронзовую медаль в вольных упражнениях и занял десятое место многоборью. В Токио он переместился на пятое, а по провальной программе даже опередил Эндо! Его тренер Ман Гонтхард считает, что своим высоким результатом Франко достиг в Олимпиаде в Мюнхене. Ему будет в 1968 году 27 лет.

Тренер Лисинского Карашичанский считает, что спортивный расцвет его ученика наступил в 27—28 лет, то есть и следующий Олимпийский игра.

Но есть те тренеры, которые доказывают, что спортсмен может работать и высшим гимнастикой в более молодой срок. Мы уже говорили о том, что в финале первенства СССР успешно выступил 17-летний москвич Валерий Карасов. Он ученик заслуженного мастера спорта Евгения Королькова, нашедшая прошлым годом на сильнейших гимнастов страны.

Михайла Воронина подготовила тренер москвочине «Динамо» Виталий Беллава. Два года назад Маша выполнила норму мастера спорта. В прошлом году вошла в состав олимпийской сборной и езды в Токио запасным участником. А в денариб она заняла титул абсолютного чемпиона страны. У нее ввела свое отношение к изучению упражнений. Мастерице элементы у него делались в 13—15 лет. Это было детство в разрабатываемой системе, которая являлась результатом многолетних обобщений.

Но как бы ни совершенствовалась методика тренировки, она в любом случае остается творчеством.

Через два года состоится очередная чемпионат мира. Через четыре — Олимпийские игры. Чтобы хорошо подготовиться к этим стартам, надо угадать, как далеко за это время шагнет гимнастика своего времени. Мы не знаем. Мы не знаем, был ли скачкообразным — нашедшие два года после чемпионатов мира — скачкообразным. Мы не знаем.

Нельзя обладать смелой фантазией, чтобы предостичать все упражнения будущих олимпийских чемпионов. Опытные тренеры знают, как прогрубить убеждаешься, что лить — семь лет назад комбинация юна Флоренция Бурманова, которая называлась бы невероятными. Больше того, если бы два года назад Сергию Димидову показали его работу, то он бы смеялся над танцем. В Токио Сергей позавидовал гимнастике этого юного итальянца, итальянских брусках, а сейчас, готовясь к Кубу Бартоли, он опасается, что его комбинация на брусках окажется слабее и готовую новую труднее освоения.

Многие мастера растут сложными. В Токио достаточно было удивить одним «ультра-си», сегодня таких элементов нужно иметь в упражнениях не меньше трех. Задача тренеров как усовершенствоваться до шести и более.

Я спросил Карашичану об комбинациях Лисинского в 1968 году.

— Загляните, не-что, но пока не говорю, чтобы вы привели к нему безумие, ответили он.

Техникул — продолжал Карашичанский. — Чем глубже мы ее понимаем, тем больше возможности она нам открывает. Упражнения будущего их больше, чтобы задержать темп, как ускорения и классу исполнения осуществимым только на очень высоком уровне. Сейчас мы уже овладели ею. Нам предстоит еще сделать немало открытий.

Чем глубже мы ее понимаем, тем больше возможности она нам открывает. Упражнения будущего их больше, чтобы задержать темп, как ускорения и классу исполнения осуществимым только на очень высоком уровне. Сейчас мы уже овладели ею. Нам предстоит еще сделать немало открытий.

Очень большое, Судите сами, На Олимпийских играх Хельсинки 1952 году разрыв между победителем и участником, занявшим шестое место, составил 2,35 балла. В Токио он сократился до 0,25. Зато результаты лучше будут еще плотнее. Чтобы победить на Олимпийских играх, недостаточно иметь трудные и эффектные упражнения. Надо выполнить эти упражнения в предельную силу своих возможностей. В условиях чемпионатов мира и Олимпиады это сделать не так легко. Мы должны быть стальными. От природы они бываю и стальными, и железяками. Их надо тренировать. Пока опыт в этом направлении еще скуден. Свое слово должна сказать будущая гимнастика.

Да, гимнастика идет по пути прогресса. Она завоевывает все большую популярность, растет требования к своим участникам. Мы должны сделать все возможное, чтобы в будущем наши участники превращались в систему. Нам нужны большие, светлые залы, которых сейчас мало. Нужно много оборудования. Мы должны стимулировать нам в этот пример. У них есть синтетические маты, которые делают нам очень хорошие маты. Наши ребята отличаются высшим мастерством, сильнейшие гимнасты используют в тренировке даже вибрирующие маты. Нам нужно стимулировать им видется под наблюдением ученых. У японцев оборудована лаборатория, где они делают снимки. За рубежом, выходит масса учебных фильмов, пособия, издается специальный гимнастический журнал «Гимнастик». Нам нужно стимулировать нам в этот пример. У них есть синтетические маты, которые делают нам очень хорошие маты. Наши ребята отличаются высшим мастерством, сильнейшие гимнасты используют в тренировке даже вибрирующие маты. Нам нужно стимулировать им видется под наблюдением ученых. У японцев оборудована лаборатория, где они делают снимки. За рубежом, выходит масса учебных фильмов, пособия, издается специальный гимнастический журнал «Гимнастик».

Будущие достижения в гимнастике возможны только на базе широкой и научной подготовки высокого уровня знаний спортсменов и тренеров.

Будущие достижения в гимнастике возможны только на базе широкой и научной подготовки высокого уровня знаний спортсменов и тренеров.

Через два года состоится очередная чемпионат мира. Через четыре — Олимпийские игры. Чтобы хорошо подготовиться к этим стартам, надо угадать, как далеко за это время шагнет гимнастика своего времени. Мы не знаем. Мы не знаем, был ли скачкообразным — нашедшие два года после чемпионатов мира — скачкообразным. Мы не знаем.

Нельзя обладать смелой фантазией, чтобы предостичать все упражнения будущих олимпийских чемпионов. Опытные тренеры знают, как прогрубить убеждаешься, что лить — семь лет назад комбинация юна Флоренция Бурманова, которая называлась бы невероятными. Больше того, если бы два года назад Сергию Димидову показали его работу, то он бы смеялся над танцем. В Токио Сергей позавидовал гимнастике этого юного итальянца, итальянских брусках, а сейчас, готовясь к Кубу Бартоли, он опасается, что его комбинация на брусках окажется слабее и готовую новую труднее освоения.

Многие мастера растут сложными. В Токио достаточно было удивить одним «ультра-си», сегодня таких элементов нужно иметь в упражнениях не меньше трех. Задача тренеров как усовершенствоваться до шести и более.

Я спросил Карашичану об комбинациях Лисинского в 1968 году.

— Загляните, не-что, но пока не говорю, чтобы вы привели к нему безумие, ответили он.

Техникул — продолжал Карашичанский. — Чем глубже мы ее понимаем, тем больше возможности она нам открывает. Упражнения будущего их больше, чтобы задержать темп, как ускорения и классу исполнения осуществимым только на очень высоком уровне. Сейчас мы уже овладели ею. Нам предстоит еще сделать немало открытий.

Чем глубже мы ее понимаем, тем больше возможности она нам открывает. Упражнения будущего их больше, чтобы задержать темп, как ускорения и классу исполнения осуществимым только на очень высоком уровне. Сейчас мы уже овладели ею. Нам предстоит еще сделать немало открытий.

Очень большое, Судите сами, На Олимпийских играх Хельсинки 1952 году разрыв между победителем и участником, занявшим шестое место, составил 2,35 балла. В Токио он сократился до 0,25. Зато результаты лучше будут еще плотнее. Чтобы победить на Олимпийских играх, недостаточно иметь трудные и эффектные упражнения. Надо выполнить эти упражнения в предельную силу своих возможностей. В условиях чемпионатов мира и Олимпиады это сделать не так легко. Мы должны быть стальными. От природы они бываю и стальными, и железяками. Их надо тренировать. Пока опыт в этом направлении еще скуден. Свое слово должна сказать будущая гимнастика.

Да, гимнастика идет по пути прогресса. Она завоевывает все большую популярность, растет требования к своим участникам. Мы должны сделать все возможное, чтобы в будущем наши участники превращались в систему. Нам нужны большие, светлые залы, которых сейчас мало. Нужно много оборудования. Мы должны стимулировать нам в этот пример. У них есть синтетические маты, которые делают нам очень хорошие маты. Наши ребята отличаются высшим мастерством, сильнейшие гимнасты используют в тренировке даже вибрирующие маты. Нам нужно стимулировать им видется под наблюдением ученых. У японцев оборудована лаборатория, где они делают снимки. За рубежом, выходит масса учебных фильмов, пособия, издается специальный гимнастический журнал «Гимнастик».

Будущие достижения в гимнастике возможны только на базе широкой и научной подготовки высокого уровня знаний спортсменов и тренеров.

НА СНИМКАХ:

Абсолютная чемпионка СССР — Лариса Петрич (сидит в центре).

Виттор Лисинский готовит новую «бомбу».

Наталья Кучинская — единственная конкурентка Петрич.

Сквозь решетку за тренировку выходит Лариса Петрич, рискует, выполняла сложные сисюки! Но он не думает об опасности, ведь тренер Виталий Александрович Беллава всегда знает.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ

ВАХИТ МАНАСЫПОВ

г. Казань.

ЮМОРЕСКА

— Ну, план или пропал, — сказал Аллахияра, обложился в старомодный намаз с дюжиной карманов. — Если приволную меня на ците, не плачь, мучушка. Потери неубоими.

— Аллах милостив! — улынулась жена. — Не приволную.

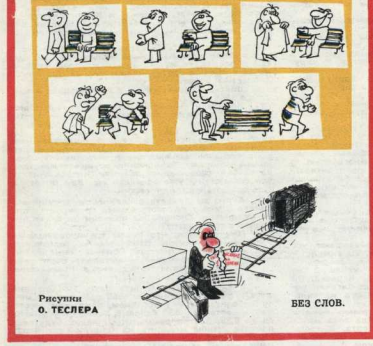
А сын-восемиклассник, потлапывая ладонью известное место, полшутли-полсерьезно возвратил отцу его любимой афоризм:

Схватись дюжкою — дюжой лучше не возращайся!

Копачишься на ластичной клятке сосед-маллар посмотрел вслед с вековой шевелюре Аллахияра:

— Настырный муники! Долбет и долбит учебу в одну точку! Век жини — веки ункис!

ПЕРВОЕ АПРЕЛЯ — ДЕНЬ ЮМРИСТА

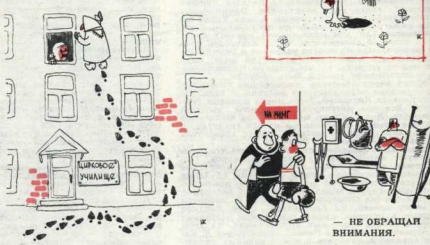
Рисунки
О. ТЕСЛЕРА

БЕЗ СЛОВ.

ВЫСШАЯ ШКОЛА ВЕРЖОВОЙ ЕЗДЫ.

Рисунки И. КИШКО

— СКАЖИТЕ, ВАМ УВЕР-
ЩИЦЫ НЕ НУЖНЫ?

— НЕ ОБРАЩАЛ
ВНИМАНИЯ.

Рисунки К. БОРИСОВА

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ, НАПЕЧАТАННЫЕ В № 6

ОТВЕТ НА ГОЛОВОЛОМКУ

Никто и решению головоломки — в конце ее, где «ЗЛ», деленное на «Л» без остатка, в частном тоже дадо «Л». «ЗЛ» может иметь лишь два цифровых значения: 36 (3*6=6) или 25 (2*5=5). Равняется 36 «ЗЛ» не может, если «З» = 3. «Л» = 6, то «С» должно быть равно 9. Но «С» = 9 (из частного) умноженное на «Л» = 6, дает 54, то есть «МЛ» = 54, где «Л» = 4, тогда как мы правили «Л» = 6. Значит, предположение, что «ЗЛ» равно 36, неверно. Значит, «ЗЛ» — это 25, где «З» = 2, а «Л» = 5. Тогда «С» = 7. Далее, «С» * «Л» = «МЛ», то есть 2 * 7 = 14, где «МЛ» = «МЛ» = «МЛ». «С» * «Л» = «МЛ», то есть 2 * 7 = 14, где «МЛ» = «МЛ» = «МЛ», что «З» = 2, а «Л» = 5, предположим, что «С» равно 1 или 4.

Если «У» = 1, то «А» = 6. Однако «А» (из частного), умноженное на «Л», дает 6 * 5 = 30, но «Л» равно 5, а не 6. Итого, что «У» = 4. «У» + «МЛ» = «МЛ», то есть 4 + 35 = 39, где «Л» = 9. Последняя буква делимого «О» снесена в частное и равна нулю. Следовательно, головоломка расшифровывается так:

$$\begin{array}{r} 39750 \text{ Л5} \\ 35 \\ \hline 47 \\ 45 \\ \hline 25 \\ 25 \\ \hline \end{array}$$

В СТУДГОРОДКЕ

Предпожим, что ушли на каток все студенты и дома № 1, и знай, что в доме № 2 живет 16 человек, установившая, что дома № 3 и 4 занимают 40 человек (в три раза больше, по условию задачи). В домах № 1 и 1 может жить только такое же число студентов, так как в тексте сказано, что уйти могут и миллиды дома № 3, однако соотношение не знаем.

Если в домах № 1 и 2 всего 46, а в доме № 2 — 16, то в доме № 3 — 32 человека. Знай, что в домах № 3 и 1 одинаковое число жильцов, наложим, что в доме № 4 — 16 студентов-математиков.

РЕМОНТНАЯ БРИГАДА

Из условия известно, что в доме № 9 работы было в два раза больше, чем в доме № 5. Дом № 5 отремонтировали три четверти дня, следовательно, дом № 9 должны отремонтировать за полтора дня, половина бригады (по вторично — половина бригады) полдня (всё бригады эту же работу делала бы четверть дня) и в среду — полный рабочий день. Следовательно, по плану оставалось работы для всей бригады на четверть дня. Но в пятницу оставалось работы столько для двоих на полдня. За четверть дня эту работу должны выделать 4 человека, то есть всё бригады.

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, А-15, Бульварный проезд, 14.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:

Для справок: Д 3-30-87; отдел литературы и искусства — Д 3-32-94; отдел очерка и публицистики — Д 3-31-03; междугородной связи — Д 3-31-00; физкультуры и спорта — Д 3-30-97; лиссем — Д 3-30-47; науки и техники — Д 3-31-06; информация — Д 3-31-69; оформления — Д 3-31-31.

Главный редактор В. И. Самохин.

Редакционеры: К. К. Андреев, Е. А. Долматовский, К. Н. Замочкин, Е. И. Иванов (заместитель главного редактора), Р. Ф. Казакова, Б. П. Краевский (ответственный секретарь), А. С. Курдюков, Е. И. Рабчиков, Г. В. Семенов, С. С. Кирилов, А. Б. Стуков.

Рукописи не возвращаются.

Оформление В. Соколова.

Технический редактор В. Ягодина.

А 02260. Подписано и печатно 26/III 1965 г. Тираж 900 000. Изд. № 587. Занав № 605. Формат бумаги 70 x 108¹/₂. 2 бум. л. — 5,48 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ЗВЕЗДНЫЙ ВЕК

От земли, от земли вновь уходят ракеты
И плывут по таинственным звездным морям.
И опять и опять не уснут до рассвета
Ожждающим нас матерям.

Припе: **Смотрящим с порога,
Грустящим у дверей,
Матерям, проводившим в дорогу
Любимых сыновей.**

Мы идем, мы идем по тропе
незнакомой,

Что скрывать, нелегко рваться
к дальним мирам.
Но трудней, но трудней остающимся
дома,

Ожждающим нас матерям.

Припе: **Звездный век, звездный век
на планетах неблизких,
Где бросать якоря суждено кораблям.
Не забудь, не забудь возвестить обелиски
Ожждающим нас матерям.**

Припе: **Звездный век, звездный век
на планетах неблизких,
Где бросать якоря суждено кораблям.
Не забудь, не забудь возвестить обелиски
Ожждающим нас матерям.**

Слова

Л. ДЕРБЕНЕВА

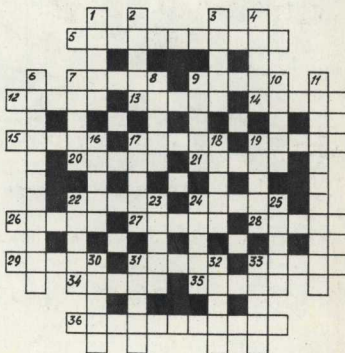
Музыка

П. АЕДОНИЦКОГО

Неторопливо.

КРОССВОРД

Составил В. САФРОНОВ
Пермская область.

По горизонтали:

По вертикали:

5. Наука, изучающая старинные монеты и медали.
7. Старинная русская мера длины.
9. Объявление о предстоящих спектаклях, фильмах.
12. Город на Украине.
13. Сладкая перекусочка.
14. Порт в Югославии.
15. Притон Ангары.
17. Изобретатель первого электродвигателя.
19. Газета, основанная В. И. Лениным.
20. Койлные лесы.
21. Притон Сыр-Дарьи.
22. Поворот, криволинейное движение.
24. Изоляционный материал, заменитель кожи.
26. Столица африканского государства.
27. Овощное растение.
28. Площадка для цирковых представлений.
28. Металлургическая печь.
31. Герой романа А. С. Серафимовича «Маленький поток».
33. Басня И. А. Крылова.
34. Отрицательно заряженная частица.
35. Воином для разведения и содержания рыб.
36. Персонаж оперы Ш. Гуно «Фауст».

1. Герой одного из ранних рассказов М. Горького.
2. Значительная часть спортивных составлений.
3. Высокая ограда.
4. Пушной зверек.
6. Устройство для поглощения энергии удара.
7. Советская пилотная флотилия.
8. Тонкая пряжа.
9. Простейшее животное.
10. Высочайшая часть спортивного сооружения.
11. Способ выраживания ошейки аве почвы.
16. Неоконченная поэма А. С. Пушкина.
17. Хищное животное, обитающее в лесах Америки.
18. Свиный барс.
19. Притон реки Москвы.
22. Город в Болгарии.
23. Знаком.
24. Тропическое растение, культивируемое в комнатах как декоративное.
25. Всесоюзный пионерлагерь.
30. Деталь часового механизма.
31. Народный художник СССР, лауреат Ленинской премии.
32. Порт в Иранле.
33. Английский ученый, давший первое научное определение химического элемента.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЕ В № 6

По горизонтали:

7. Славянка. 8. Объектив. 9. Угол. 10. Прогноз. 13. Ноль. 14. Горьковский. 16. Учен. 17. Завит. 18. Ниланд. 19. Грозов. 20. Тамм. 23. «Муму». 25. Дмитриевский. 26. Краб. 28. Албания. 31. Воек. 32. Килескин. 33. Глаузом.

По вертикали:

1. Гигитория. 2. Увал. 3. Лазо. 4. Горн. 5. Аман. 6. Биология. 10. Перепелка. 11. Гавот. 12. Зигуловская. 14. Талим. 15. Алдламай. 21. Акварель. 22. «Грена». 24. Масленко. 27. Воее. 29. «Ваня». 30. Нуга. 31. Брус.

Первая
страница
обложки.

ЗЕМНАЯ РАЗВЕТКА
КОСМИЧЕСКИХ ВЫСОТ.
ИСПЫТАТЕЛЬ И ВРАЧ.

Фото В. ГЖЕЛЬСКОГО

РАКЕТЫ АТАКУЮТ ОБЛАКА

Выражение «как снег на голову» — общепринятый символ полной неожиданности. Но работ из группы активного воздействия на облака, расквартированной в долине горной речушки Пскем, абсолютно не устраивает такое толкование. Они пробуют искусственно вызывать снегопады.

Среднеазиатские реки, напрудники и ирригационные каналы несут кубические километры воды, а заетра, глядишь, палящее солнце растопит в горах весь снег, и они превратились в жалкие ручейки. Тогда хлопковым полям начинает грозить водной голод. Люди, торопясь, собирают в хранилищах воду, а в это время над их головой проплывают нолосальные резервуары, полные-полные водой, драгценной влаги — облака. Было решено попробовать «вызвать» облака. Ученые из экспедиции активного воздействия при Среднеазиатском гидрометеорологическом институте не были пионерами в этом поиске: удачные эксперименты на равнинах СССР доказали, что искусственно вызывая осадки, можно увеличивать их количество на 10—15 процентов. Однако это ни в какой мере не означало, что вперед прогнать облака. Славянина Средней Азии заставила в корне менять всю методику работы.

В сотне километров от Ташкента выбрали в горах долину. Здесь впервые встречался облака. «Засеки» специальным реагентом, они должны были сбрасывать свой снеговой груз.

Хозяевам этого «пятачка» земли над темно-зеленым, бурным Пскемом, членам группы активного воздействия на облака, в среднем года перевалило за двадцать лет. Возраст начальника отряда Михаила Курганского — не исключение. Зеленая штурмовка, альпинистские башмаки — с первого взгляда турист туристом. Лишь когда

он знакомит вас с проблемами, цели работы, показывает подземный склад ракет и расчехляет четыре ствола ракетной установки, начинаешь понимать, сколько ответственности и увлеченности несет в себе этот гарем.

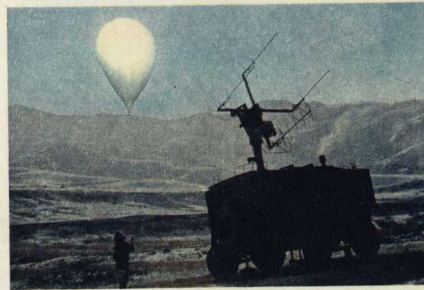
Вместе с ракетчиками здесь работают аэрологи. Их «шеф» Пулат Халилов не без гордости намекает, что отряд воздействия без аэрологов — как без рук. Действительно, аэрологи — это воздушные разведчики, которые поставляют все необходимые данные. Шары-зонды регулярно «вспарывают» атмосферу. Антенны радиотермометра «Магелан», в вагончике которого хозяйничает инженер Владислав Ющенко, внимательно следят за шаром и тогда, когда он скрывается в облаках. На землю приходит сообщения о температуре, давлении, силе и направлении разгуливающих наверху ветров.

Все эти данные, уточненные и дополненные, ложатся в основу прогноза для отряда воздействия. Когда над долиной появляются темные свинцовые тучи, радист-оператор Володя Винтовский принимает долгожданный приказ — начать обстрел. Вертолеты и самолеты далеко облетают долину — район закрыт! Расслаивается дверь силла ракет, и четыре орбитные стальные «сигары» плотно входят в стволы установок. Стартовая площадка вымирает. Лишь в амбразуру биндакса — внимательные глаза ракетчиков. Сенюда, другая — и вот уже вперед, там, где только что чернели стволы, взметнулось пыльное облако. Ракеты пошли в атаку.

А немного позже выпадают на землю «запланированные» осадки.

В. ДЕМИДОВ

Фото автора

Цена номера 20 коп.

Индекс 70820